

ЕЛЕНА

НЕСТЕРИНА

РАЗНОЦВЕТНЫЕ ПЕДАЛИ
РОМАН-ШОК

Елена Вячеславовна Нестерина

Разноцветные педали

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165918
ISBN 978-5-699-24556-7

Аннотация

Мысли об этой женщине разламывали мозг; вид ее вызывал генитальную тревогу. Ее легче было убить, чем сделать своей; легче проклясть, чем понять. Глядя на хозяйку – владелицу клуба «Разноцветные педали» Арину Балованцеву, ее личный секретарь Валера чувствовал: рядом с ней надо быть героем – благородным, великодушным, мужественным. Или не быть совсем, уйти с Арининой орбиты... Но как уйти – если она притягивает и манит, если вокруг нее жизнь становится яркой и осмысленной! И как признать, что ты, мужчина, не только не герой, но и проигрываешь женщине по всем показателям?! Зависть. В душе Валеры разрасталась зависть. Хотелось доказать, что Балованцева не так уж и хороша, что ее величие – только пиар-ход. И однажды эта возможность представилась.

Содержание

1
Конец ознакомительного фрагмента.

4
112

Елена Нестерина

Разноцветные педали

1

По шершавой поверхности крапчато-бирюзовой стены тянулась торопливая белая полоса. Она прерывалась, делая недолгие загогульки вверх или вниз, и спешила дальше.

Мелок крошился, быстро стираясь о стену.

Девушка ловила таракана. Мел у неё был, конечно же, специальный, поэтому она знала, что делала; большой таракан быстро бежал по стене параллельно плинтусу, а мелок шёл по его следу, иногда пытался окружить. Но вот девушка догадалась и стала ставить засеки: одну, другую перпендикулярные линии, третью – перед самым носом таракана. Раз! – и вот таракан взят в кольцо, окружён одним меловым овалом, вторым, ещё и ещё – девушка не жалела средств. Таракан заметался, но не смог выйти из окружения, сорвался со стены и – тук! – упал на пол.

Девушка нагнулась, растянув для резкости веко и прищурив глаз, внимательно его рассмотрела, добивать не стала, стряхнула только на таракана мел с рук и, довольная, уселась за стол.

– Что ж ты творишь-то, а? – сказал Валера, который всё

это время стоял в дверях и наблюдал. — Кто ж тебе разрешил стену портить?

На его голос девушка подняла голову, а из глубины коридора появился большой молодой человек, который до этого встретил Валеру у входа и привёл сюда.

— Арина Леонидовна, — молодой человек остановился рядом с Валерой и дальше не пошёл, — я не успел сообщить. Он по поводу работы.

— Спасибо, Виктор Владимирович. — Девушка поднялась из-за стола и обратилась к Валере: — Вы хотите к нам на работу устроиться? Пожалуйста, присаживайтесь.

Молодой Виктор Владимирович ушёл, но дверь оставил открытой. Валера сел на стул.

— Я ночным сторожем... Я звонил, — проговорил он, отводя глаза от длинной меловой линии на стене.

— Помню, — ответила девушка и с шипением потёрла глаз. — Давайте разговаривать. Валерий, да? Меня зовут Арина Леонидовна.

— Я по объявлению в газете...

— По объявлению. Да, было объявление. Но оно устарело. Этого Валера не ожидал. Должность ночного сторожа вполне соответствовала его укладу жизни и представлениям о мире.

— Но мне же... Назначили время. Я приехал... — Валера решил если не начать квитаться с наглым миром буржуев, то хотя бы устроить ему хорошую встряску. Глядя на глупую

секретаршу, которая яростно слюнявила платок и тёрла им свой покрасневший и распухший глаз, он откинулся на спинку стула. – Девушка, вы, скорее всего, не владеете информацией. Я позвонил, мне сказали приезжать, что такое...

Но девушка Арина Леонидовна (чего Валера сразу не учёл) громко захныкала – и в кабинет тут же вбежал всё тот же большой и красивый молодой человек.

– Арина, что?! – мгновенно он блокировал зазор между столом Арины Леонидовны и Валерой.

– Я же сказала – поубивать всех тараканов! – обливаясь слезами и выворачивая глаз наизнанку, причитала девушка.

– В глаз? – с этими словами молодой человек потащил её в боковую дверь. Зашумела вода. – Как он в глаз?... Где?

– Да нету, я уже сама разобралась!

Валера забыл, что хотел сказать, и теперь лишь ждал, что будет дальше. Взгляд его остановился на птичьей клетке, в которой сидел воробей.

– Какая наглость! Надувательство! – нёсся голос Арины Леонидовны, которую явно умывали. – Я же специальную ловушку для тараканов ставила, сегодня посмотрела – а в неё так никто и не попался!

– А мелок где взяла?

– У бабы Ве-е-е-ры...

«Дурдом», – подумал Валера.

Вода стихла. Появилась девушка Арина, бросила полотенце на диван.

– Сейчас. Посидите, – обратилась она к Валере.

Вышел молодой человек, подобрал полотенце, унёс.

– Пойду хоть кого-нибудь разгоню, – девушка широкими шагами направилась в коридор и на ходу уже добавила: – Вить, пусть там человеку кофе сделают.

Валера увидел, как отреагировал на её слова Витя, и окончательно понял, почему Арина не просто Арина, а Леонидовна, и почему здоровье её так драгоценно. Линию поведения нужно было менять немедленно.

Воробей в клетке подпрыгнул на жёрдочку и чирикнул.

Витя что-то произнёс там, за дверью. Вошла другая девушка, внесла кофе, тут же убежала. Её сменил Витя.

Вкуса кофе Валера не ощущал, потому что стыдливо обжигался, но пил тщательно, растягивая время и пытаясь придать себе значительности. Витя молчал, но оставался в кабинете, и Валера не мог понять, наблюдает он за ним или нет. К звукам в коридоре Витя прислушивался очень рьяно, хотя и не подавал вида.

...Вошла Арина Леонидовна, очень довольная.

– Нашла? – спросил Витя.

– А то. Коля Доляновский сейчас напутал. Дяденька попросил ему школьные розги поставить, а Доляновский врубил «Стегание кнутом на морозе с обливанием водой». Дядька выл, а как выскочил, книгу жалоб требовал, представляешь? Я ему программу поменяла, слушаю – тащится... А Доляновскому выволочку, чтоб жизнь мёдом не казалась.

– Покажи глаз.

– Витя!

Витя исчез. Арина Леонидовна уселась за стол, вытащила из ящика папку.

– Вы уж простите, Валерий, – улыбнулась она Валере. – Теперь я всё.

– Вы сказали, нет работы... – робко произнёс Валера.

– Работа есть. Мне всё-таки нужен сотрудник. Но охранник. – Арина Леонидовна пробежала глазами Валерину анкету. – Что вы тут последнее охраняли? Склад?

– Да, склад строительной фирмы...

– Ага. Уволились два месяца назад... А вы знакомы со спецификой нашего заведения? – Арину Леонидовну не интересовало, хочет ли Валера быть охранником, а не ночным сторожем. Однако повеяло тем, что работа может сейчас найтись, поэтому Валера с воодушевлением начал:

– Нет, но...

– Ясно, – перебила его Арина Леонидовна. – Ну я сейчас всё объясню. И ничего даже про наш клуб не слышали?

Валера вспомнил про вывеску на здании «РАЗНОЦВЕТНЫЕ ПЕДАЛИ» и про какие-то чудные рекламные щиты вдоль пригородной дороги.

– Рекламу видел. Но по клубам я особенно не...

– Ага. Сейчас мне нужен охранник в смену, то есть...

Где-то под потолком зазвонил телефон. Воробей в клетке заметался.

– Ой, подайте трубочку, – Арина Леонидовна помахала растопыренными пальцами.

Валера завертел головой. Телефон продолжал звонить.

– На окне, вон, мобильный на окне! – Валера поднял голову и увидел мобильный телефон на подоконнике узкого и длинного, прорезанного почему-то выше человеческого роста окна; вскочил, схватил его, передал Арине Леонидовне. Телефон в её руках тут же замолк. Воробышек устало опустил крылья, упал на дно клетки, взъерошился и, кажется, начал приходить в себя.

– Спасибо... Да! Алло! Ну и что же? Как это – ждут? Я же сказала – сегодня Серёжу берёт баба Лутя. Нет, мама, нет... Ага, вот послезавтра пусть и приезжают. А что я могу сделать – очередь. Ничего они не плачут. Да. Провели деньги? Да. Хорошо, да. Ну, мам... Я поела, да. Тогда в оптовые закупки пусть запишет. Это хорошо. А мы к вам с Серёжей в субботу. Ну, мама, конечно! Да, так и скажи. Ну пока!

Арина Леонидовна улыбнулась сама себе.

– У меня тут в кабинете часто сигнал перебивается. Везде хорошо, а в кабинете плохо... Аппаратуры вокруг много. Вот на окно и кладу трубку... Значит, ничего про нас не знаете? Вы ночью хорошо спите?

– Да, – удивлённо произнёс Валера.

– Лучше бы плохо. Эй, да не пугайтесь. – Арина Леонидовна поднялась с места. – Пойдёмте, со мной пройдётесь. Я всё покажу. И мне теперь удобнее Арина Леонидовна, но

на «ТЫ».

Она заглянула к воробью, просунула руку и взяла его, не вытаскивая из клетки.

– Кека, милый... Ой, сердечко бьётся. Ну, успокойся, голубчик, ну, малыш... Не любит он последнее время звонки, всё пугается. Ну, идём. А ты, Кека, сиди, и чтоб весь корм съел.

В большом зале с мягким серым светом было очень тихо, только от узкой будки в дальнем углу доносился приглушённый стук и ещё где-то чуть слышно повизгивали. У стены маячил парень во френче китайского коммуниста. Арина Леонидовна махнула ему рукой, парень подскочил послушным барсиком, молча встал рядом.

– Ты ходишь, Валера, в зал игровых автоматов? Ну а на компьютере: дышь-дышь-дышь – монстров гасишь? – спросила Арина Леонидовна. – Ну вот у нас тут примерно то же самое. Видишь эти будочки? Это вот мои игровые автоматы и есть. Ну, то есть тренажёры приключений, что ли. Или...

– Аттракционы. Симуляторы ощущений, – услужливо подсказал парень во френче и подобострастно улыбнулся.

– Правильно, Коля. Ты вот, Валера, хотел бы в газовой камере побывать? Что значит нет? А оказаться захваченным в плен с последующими пытками? – Валере показалось, что Арина Леонидовна не шутит. И ещё показалось, что глаза у неё странные какие-то – как будто вставные. Под их взгля-

дом захотелось сжаться и накрыться половой тряпкой.

– Н-н-не знаю...

– А, ты тоже не романтический. Но некоторые люди за это большие деньги готовы заплатить. И мы им – пожалуйста. Нет-нет, никаких галлюциногенов, наркотиков, даже наоборот. – Арина Леонидовна подошла к узкой будке с креслом внутри и разноцветной кнопочно-педальной панелью управления снаружи. – Всё экологически чистенько, без вреда для здоровья, одобрено практически Минздравом. Компьютерный век, море счастья. Вот посмотри – это у нас... Доляновский!

– Это костёр. Казнь, самосожжение, случайность – как хотите. Стопроцентная имитация всех ощущений! – подхватился парень, тот самый Коля Доляновский, которому только что устроили выволочку. – Возможен вариант паровозной топки, горячей квартиры с элементами беготни по комнатам. Можно осложнить пожар – и вы искать кого-нибудь будете, собачку, например...

– А это... Так, таймер отключи. Ох, выкину я тебя, Доляновский, с работы. – Арина Леонидовна подошла к следующему аппарату. – Это вот «Гибель во льдах», – она ласково погладила пластиковую крышку. – Эта штука принесла нам кучу денег. Мы её в декорациях «Титаника» составили. Знаешь, сколько народу ломилось, чтобы сначала ощутить себя суперпассажиром первого класса, ну, или наоборот – бесправным и убогим третьего, а после в ледяной воде с об-

ломками побултыхаться. И спастись – в самый последний, в самый такой момент, когда кажется, что положение безвыходное и пора идти ко дну...

– Как? По-настоящему? – Валера вглядывался в то, что скрывалось внутри небольшого аппарата. Ни воды, ни льда там точно не было.

Коля Доляновский радостно улыбнулся.

– Арина же Леонидовна объясняет – имитация.

Валера ничего не понимал или просто не верил тому, что ему говорили. Вот тебе и ночной сторож.

– А это вот у нас беда Доляновского – ну-ка, говори.

– Этот аттракцион пользуется особой популярностью, правда-правда, – затараторил Коля. – Самый широкий спектр услуг: стегание кнутом на морозе с обливанием водой и без, розги с солью, без соли, мокрые, с мелкими щепками, крупными занозами, плётки, хлысты... Цена умеренная, сеанс от минуты до бесконечности. Тут любую программу можно задать – отдерут за милые венки...

– Ещё за какие милые, – подмигнула ему Арина Леонидовна. Доляновский засиял – его, значит, совсем простили.

– Это... Это – садо-мазо? – устыдился, но всё равно спросил Валера. – Все эти симуляторы – они такие?..

– Нет, не все, конечно, – ответила Арина Леонидовна, по-прежнему охотно. И с задором. Как агитатор. – Вот подумай – какое ощущение для человека самое приятное? Ощущение победы. Победы! А победить трудно. И себя, и обсто-

ательства. Много вот у тебя в жизни было побед?

«Мало», – подумал Валера. А на лице изобразил «Не знаю». На всякий случай.

– Да наверняка мало, Валерий, – уверенно махнула рукой Арина Леонидовна. – Даже если в реальной жизни победить удаётся, то к этому чувству всегда что-нибудь ещё подмешивается – недовольство результатом, стыд за то, что не всё прошло честно или как хотелось. Ну, кому что. А здесь ощущение победы – концентрированное и очищенное от всего лишнего. Побеждать здорово! Вот поэтому – пожалуйста. «Гибель во льдах» – там побеждают страдания и стихию. Ты борешься, барахтаешься – и выплываешь. Ты сильный, ты смог. Непередаваемое ощущение. Только на себе можно испытать. То же самое – спасение из пожара, бои с чудовищами. Чем труднее и опаснее – тем ценнее победа. Как говорится: чем чернее ночь – тем светлей рассвет. Так и здесь. Чем тяжелее борьба, тем приятнее победа. Поверь, желающих побывать на симуляторах приятных удовольствий мало. Налить себе, например, ванну тёплого шоколада может каждый. Бассейн шампанского, любые услуги на дом – на раз можно. Но попробуй победи хотя бы себя или злодея какого-нибудь – чтобы аж торжество момента прочувствовать? Трудно. А вот у нас кто наиграется в это – и в реале бодрее становится... А вот эти увеселители для любителей острых ощущений мы собрали уже по результатам исследования потребительского спроса. Мазохисты нам выручку делают со

своим стеганием на морозе – поди плохо?

– Неплохо... – согласился Валера.

То, что он услышал, было вроде логично. Но как-то уж слишком радикально...

В зал вошли посетители. Валера ахнул: построенные почти парами подростки мужского пола и две учительницы остановились посередине и, притихшие, озирались вокруг. Арина Леонидовна взглянула на часы. К группе уже спешили два молодых человека, Коля Доляновский тоже бросился к ним и заговорил с одной из учительниц.

– Восемнадцать ноль-ноль. Строительный колледж заказал нам сеанс для своих учащихся, – обернулась к Валере Арина Леонидовна, – сейчас им включат полную имитацию родов.

– Чего?!

– Ну, роды, человека рожают. Колледжу мы сделали большую скидку. Понимаешь, это же всё с просветительской целью.

– Зачем? – Валера никак не мог понять, разыгрывают его или что.

– Пусть каждый из них почувствует, как протекают роды. Мы им всем обычные роды поставим, видишь, даже несколько других аппаратов специально переоборудовали. А на этом, глянь, в который вон рыженького мальчика сажают, стоит такая мощная программа – можно поставить затяжные роды, осложнённые, двойняшек родить, тройняшек, да хоть

ежа...

– И что они там... чувствуют? – выдавил из себя Валера.

– Всё на полную катушку. Тут без обмана – я сама в создании принимала участие, – с гордостью заявила Арина Леонидовна. – Все мои ощущения, плюс хорошие консультации врачей и фантазия.

– И кто... кто всё это сделал? – Валере стало как-то зябко.

– В смысле программу кто писал? Мои ребята и брат. Стасик – компьютерный гений.

– А зачем им роды? – Валера кивнул на подростков, часть из которых исчезла в недрах аппаратов, а часть была рассажена в кресла. И учительницы одной не хватало. Неужели она тоже в симулятор забралась?

– Чтоб реализма в жизни, наверно, прибавилось. К девочкам лучше относиться будут. Не веришь?

Валера осмелел:

– Да им же тогда на всю жизнь жениться расхочется.

– Значит, выживут самые стойкие. И новое поколение будет сильнее. – Арина Леонидовна двинулась к выходу из зала. – Вообще-то руководство колледжа аборт заказывало, но мы почему-то не написали такую программу, и они на роды согласились. Кстати, люди из колледжа отличную мысль подали с этим абортom, я обрадовалась и скидку им мощную устроила. Уже пригласила специалистов, брат должен начать работать. Представляешь, классно – общий наркоз, местный, аборт в щадящем режиме, подпольный, не знаю, что там ещё

бывает...

В вихре охватившего её вдохновения Арина Леонидовна потащила Валеру за собой, на ходу рассказывая:

– Ну, в этом зале остались ещё для желающих пострадать «Отпиливание ноги на пиратском галеоне семнадцатого века врачом-самоучкой». Очень трогательно: анестезия в виде двух пинт спирта и с периодическими ударами по голове деревянным молотком – по мере надобности... Сначала, типа того, чувствуешь, что эти самые две пинты выпиваешь – со всеми спецэффектами, дальше тебе первый удар по голове молотком – и понеслось. Мне не очень нравится, но ребята хвалят. А вот тут в углу у меня раньше стоял отличный аппарат «Мучения на кресте». Ой, как на нём колбасит! Ой! Японцы тут были, не могли нарадоваться, целыми днями висели по очереди. Очень просили им продать. А я подумала, что это кошунство, ведь правда? Пусть японцы в христианство крестятся, вот тогда и мучаются на здоровье. И решила – не доставайся ты никому. Велела разобрать, программу напрочь потерять. Правильно же?

– ?..

Арина Леонидовна и Валера вслед за ней вышли в бар – со столиками, официантами, барменом за стойкой и небольшой сценой, на которой кто-то настраивал аппаратуру.

– Видишь, бар. Тут тоже охранники есть. За смену несколько раз меняются. Ты присматривайся. Только у нас

с пьянством строго. Уж прости, но я в момент выкину, если что. – Арина Леонидовна опять припала к телефонной трубке, покрутилась на каблуке, прищурившись в полумраке, разглядела какую-то девушку и помахала ей. – У нас тут концерты бывают, я иногда люблю концерты. Видишь сцену? Группы всякие приглашаем, для денег иногда модные, а так только какие нравятся. Вот сегодня опять будет моя любимая. Панк-группа «Рука прачки», слышал такую?

Валера группы не слышал, хотя название её недавно прочитал на заборе. Он всё приглядывался к Арине Леонидовне, пытаюсь понять, кто же она такая и сколько ей лет – больше двадцати он ей никак дать не мог. Но командовала она лихо. На все сто.

Из дверей возник Витя, приблизился, вывел Арину Леонидовну на свет и заставил её показать ему глаз, про который, кроме него, никто уже и не помнил.

– А вот у нас второй зал наших агрегатов, ну, то есть сам понимаешь... Тут у нас автоматчик Полина. – На девушке, которая подошла к Арине Леонидовне в другом, освещённом зелёным зале, был такой же, как и на Коле, френч, только его красивый женский вариант. Девушка была мулаткой, она быстро убежала, потому что к будке аттракциона рвался клиент.

– Вот у нас газовая камера, видишь, Полина работает. И детские автоматы есть. Тоже в познавательных целях, – Арина Леонидовна, как экскурсовод, протянула руку: – «Апа-

чи на тропе войны» – скучный, уберём его, нерентабельно, спросом перестал пользоваться, а место занимает... «Опьянение и похмелье различной степени тяжести».

– Детям?

– Детям, Валерочка. Пороки нужно пресекать, но для этого сначала демонстрировать – их приятные стороны и неприятные последствия.

«Ну-ну...» – подумал Валера.

Арина Леонидовна периодически бросала его, переключаясь на общение с многочисленными подчинёнными – всем что-то было от неё надо. Но регулярно возвращала своё внимание, водила по залам. До подсобных помещений не добралась, провела его в свой кабинет. Из кабинета выскочила бабка с тряпкой – тараканьего следа на бирюзовой стене больше не было.

Арина Леонидовна уселась за стол. Озвучила Валере его будущую зарплату. Пугать ничем не стала – Валере и так за глаза информации об этом безумном заведении хватило.

– Одним словом, завтра, в одиннадцать часов – или приходи оформляться, или звони. Что отказываешься, – когда в дверях появился парень-охранник, заявила Арина Леонидовна.

Одновременно с её словами заиграл телефон, забился в клетке воробей. И Валера понял, что свободен.

Охранник вывел его за порог. И под взглядом Вити, который стоял на улице с молчаливыми парнями, Валера поки-

нул территорию «Разноцветных педалей».

Лиля (Валера жил с Лилей), Лиля обрадовалась таким деньгам. Сказала, что надо непременно в «Разноцветных педелях» работать. Ведь если он столько денег будет получать на испытательном сроке, то дальше вообще горя можно не знать.

Деньги были, конечно, нужны. Но этот бред, эти осложнённые беготнёй пожары и газовые камеры... Конечно, Валеру никто не заставлял в них развлекаться, тем более что стоило это о-го-го, да и запись туда предварительная. Но что ж это всё-таки за «Педали» такие? Неужели и вправду раскрученная точка?

Валера открыл газету городских объявлений на разделе «Отдых и развлечения». Нашёл «Разноцветные педали» — но не увидел никаких пояснений. Только картинка, только название клуба, только адрес и надпись «Реальные ощущения». Хотел позвонить по их телефону, представиться клиентом и записаться на какую-нибудь показательную порку при дворе короля Артура или пожар на дирижабле. Но понял, что ничего подобного произнести не сможет, не артист. Плюнул.

Лиля в предвкушении денег весь вечер была мила и добра. У неё-то и мысли не возникло, что Валере можно на такое бредоносное предприятие не устраиваться.

И ещё эта Арина Леонидовна. Таких начальников Валере

до этого не попадалось. С одной стороны, откуда-то появлялось бешенство – да кто она такая, почему ведёт себя так, будто это заведение лично ей принадлежит? А с другой – хотелось её слушать. И слушаться. Почему-то.

Чушь собачья! Пусть сама себя охраняет, Арина эта Леонидовна! Собрала вокруг себя преданных безумцев, вот и развлекается, и помыкает ими. А еённый Виктор, как его там, чего он за ней как пудель ходит? За деньги, ведь только за деньги – что их ещё может связывать? Она платит, он и ходит. Валера поймал себя на мысли, что очень почему-то озадачен спецификой отношений Арины Леонидовны и Вити Владимировича – и что она, эта самая специфика, должна быть только рабочей. Не хотелось другой, остро не хотелось. Почему-то.

Опять почему-то.

Но дело не в этом, не в этом.

Нет, лучше вполтину меньше зарплата, но на простом и понятном складе. Там и грузчиком можно подрядиться – за дополнительную плату. А тут... Валере казалось, что теперь он ненавидит капиталистов ещё сильнее. И потому ни в какие «Разноцветные педали» завтра не пойдёт.

Но наступило утро, и Валера примчался к дверям «Педалей» за полчаса до назначенного срока. Застыдился, вжался в угол возле парадного входа. Откуда его и извлекли двое ребят-охранников.

– Я пришёл сказать, что согласен. Трудовую книжку принёс. И паспорт, – увидев Виктора, заговорил Валера. И застыдился своего просительного голоса. Раньше с ним такого никогда не случалось – чтобы вот так, просительно...

Арина Леонидовна по дороге ему не попала. А вели Валеру теперь уже в глубь внутренних помещений, где быстро оформили. И передали в руки Виктора Владимировича и невысокого (по сравнению с Владимировичем) неприметного парня. Им оказался начальник его, Валериной, смены охранников. Гена Репник – так этот начальник представился.

– Выходим сегодня в ночь, а сейчас я специально ради тебя приехал, – пояснил Гена.

Виктор же Владимирович просто слушал их. Ничего не говорил.

– Форму тебе дадут, дома подгонишь. А я – инструкции.

Выдача инструкций затянулась часа на два. Гена оказался немногословным, но вёдливым.

Всех тайн Валере, конечно, не рассказал – надо сначала себя позитивно зарекомендовать (что Валера и так понимал), но и без того информации было море. Оказывается, во время испытательного срока в три стандартных месяца будут проводиться тренинги, на которых обычно разыгрываются модели критических ситуаций. Мало ли что может случиться во время работы, а охранник бац – и к этому уже подготовлен. Отреагирует как надо. Да, это займёт дополнительное неоплачиваемое время, но зато пойдёт Валере на пользу и

сделает его профессионалом. Тренировочные задания будут проходить и непосредственно во время несения службы – очень эффективный метод обучения, как показала практика. Иногда даже ученик не будет об этом догадываться – поскольку окажется занят выполнением своих прямых обязанностей. А за всем этим будут следить, следить, делать выводы. Ну и корректировать его, конечно.

А главное, за эти три месяца нужно постараться научиться быть... невидимкой. Чтобы ты как бы есть, но для посетителей как бы и незаметен. Однако видишь то, что не каждому рентгену удаётся распознать.

– Как?

– Учись, – хмыкнул Репник. – Будешь не дурак – разберёшься.

Видимо, придётся. С этой мыслью, вдыхая обеденный аромат, Валера проследовал коридором к служебному входу. Теперь его ждали именно в этих дверях. Как сотрудника.

Лиля оказалась дома. Она занималась маникюрными услугами и наращиванием ногтей населению. Видимо, сегодня день у неё был нерабочий.

– Форма вот... – Валера показал своей девушке выданный в «Педалях» комплект. – Надо бы подогнать по мне. Сказали, чтобы выглядел хорошо. Сегодня уже ночная смена.

Лиля помогла подогнать. Лиля даже штаны и куртку погладила. Лиля повязала Валере узкий чёрный галстук. Лиля проводила своего мужчину на работу. Она была очень горда

Валерой.

Почему, интересно? За деньги – или за престиж? Валера понять не смог, но вдумываться пока не стал.

Валерин понедельник начался не в субботу, а в среду. Этот первый рабочий день, она же ночь, прошёл угарно. Валеру ещё с тремя охранниками добрый Репник поставил в бар. Если бы просто в бар – но там сегодня был концерт! И начался он в десять, спустя три часа после того, как Валера заступил в смену.

Вот она, стало быть, какая, «Рука прачки»! По сцене прыгал лихой, кудрявый и тощий татарин с баяном, то играл, то пел, то пел и играл одновременно, быстро-быстро щёлкая по кнопкам. Скромная девочка подыгрывала ему на мандолине, убойным сатанинским фоном их поддерживали мохножый соло-гитарист, невозмутимый, одетый во всё чёрное гитарист типа «бэк» и бронебойно-автоматный ударник, которого за его звенящими блинами и видно не было.

А ещё – на одежде всех пятерых полностью отсутствовали левые рукава. И оголённая рука каждого была выкрашена по локоть в ошпаренно-красный цвет. Это смотрелось как-то болезненно-беззащитно и одновременно с вызовом. А когда они синхронно скидывали эти багровые руки вверх, растопырив пальцы и бодро крикнув «Хой!», зал в экстазе делал то же самое. И выкрашенных по локоть рук, отметил Валера, виделось очень много.

О, как бесновались эти зрители, которых Валера в рабочем порядке должен был умирять! Как им тут всё нравилось! Впрочем, мебели они не крушили, друг друга не лупили, на сцену не лезли. Панк-музыканты были цинично-глумливы, но как-то по-умному, Валера даже заслушался – когда татарин и поддерживающий его квартет исполнял некую смесь частушек и патетического хора. Никогда не знал, что петь матом можно так, что казалось, это католические монахи под звуки органа богу «спасибо» сообщают...

Тучи однажды упали на землю.
Дождь пошёл в обратную сторону –
Тут-то небесные жители поняли,
ЧТО они на Земле нам устроили...

Так начался новый номер. Это была злая песня. Про то, как мы глубоко страдаем тут, на Земле, от холода и грязи, как на небе всем по хрену наша метель, как чьей-то шаловливой ручонке, которая держится за переключатель небесного климат-контроля, придётся однажды весьма и весьма несладко.

Валера вспомнил, что на улице поздняя осень, мрак и холод, – вот бы правда создателю всего этого включить на полчаса подобный симулятор, пусть прочувствует... Ого, мелькнула у Валеры мысль, быстро же он стал местными категориями оперировать!

Но Гена Репник, который подкрался незаметно и ткнул Валеру в бок, испортил общение с прекрасным.

– Не расслабляемся. Эта музыка не для нас. Приходи на концерт не в смену – и слушай до усрачки.

И Валера стал не расслабляться.

По залу летали носки. Какие-то пустые, завязанные в узел, какие-то с начинкой, толстенькие, круглые. Так поклонники выражали свою признательность любимым артистам и общались друг с другом. Это, оказывается, было можно – главное, следить, чтобы без фанатизма.

Так что Валера принялся наблюдать за носками. А как их поймёшь, пока сам не словишь, – пустой он летит или с опасным грузом, который может проломить голову какому-нибудь дуралею? Валера растерялся. Кончилась очередная композиция, носки взметнулись ввысь, часть полетела на сцену – а оттуда в интерактивном режиме обратно. И один быстрый носок, пущенный пурпурной рукой солиста, угодил в Валеру.

– Батыров, это Мамед Батыров кинул! – на Валеру напрыгнули три восторженно настроенные девчонки.

Носок упал на пол, куда-то Валере под ноги, девчонки с визгом, давя друг друга, исчезли во тьме. И там, видимо, копались. Валера растерялся.

– Фанатки, – раздался у него под ухом голос.

Стальной, но добрый. Так говорила только Арина Леонидовна. Валера тотчас узнал её, несмотря на клубный шум и восемьдесят процентов темноты.

– Да. Я не знаю, что с ними мне... – начал Валера.

Но Арина Леонидовна перебила:

– Пусть ищут. Это почётный носок. Из рук солиста. Носки я разрешаю. Есть условие: в носок нельзя класть ничего, кроме другого носка. Или шарфика какого. В общем, тряпки. Если будет замечен носок с другим содержимым – наша собака отыщет хозяина. И тогда неважно – он кидал или не он. Вход в «Разноцветные педали» будет для него закрыт навсегда.

– А если носок новый... Специально купили и принесли? Он же хозяином не пахнет. Простите, – Валера, хоть и смутился, но был удивлён подобной недогадливостью.

– Хорошо соображаешь, – усмехнулась Арина Леонидовна. – А для этого здесь ты.ловишь того, кто последним его кинул. И пусть он доказывает что угодно. Выкиньштейн – и никаких разговоров. Так что не волнуйся. Посетители об этом знают. Последний носок со стеклянной пепельницей пролетел здесь в позапрошлом году. Но ты всё равно следи.

На плечо парня, что стоял рядом с Ариной Леонидовной, упал, судя по запаху разлетевшихся в разные стороны ошмётков, помидор.

– А это... Можно? – осторожно соскоблив с рукава Арины Леонидовны шматок густой жижи, нет, жидкой помидорной гущи, спросил Валера. Как-то всё тут было сложно.

– Лучше не надо, – лица её практически видно не было, но говорила Арина Леонидовна, кажется, весело. – Найди этого гранатомётчика и сделай внушение.

Арина Леонидовна удалилась. И, пробираясь в этом бесцеремонном, но в то же время весьма контролируемом аду, Валера отправился искать метателя продуктов. Рабочая смена продолжалась.

После окончания концерта, глубоко за полночь, в баре побавилось народу, но дискотека шла полным ходом. Валеру сменили, дали отдохнуть, напоили чаем с мясными бутербродами. На оставшиеся от отдыха десять минут он решил выйти воздухом подышать.

Звонко цокали копыта по асфальту – по улице прошёл наряд конной полиции.

– Как настроение, новенький? – из дверей выплыла толстая румяная женщина.

Валера ответил, что ничего. Женщина залихватски подмигнула, загрузилась в машину, которая поджидала её у служебного входа. Укатила.

– Кухня по домам уезжает, – сообщил Валере вышедший на ступеньки покурить Дима Дубов – охранник из его смены.

– У вас по домам развозят? – удивился Валера.

– Ага. И у вас. Всех, кто поздно работу заканчивает.

– Ясно. А кто рано – своим, значит, ходом... – почему-то разозлила Валеру эта заботливость. Хотя – что такого? Это довольно распространённая практика. И всё же...

Дубов ничего не ответил. Удалился, хлопнув дверью.

Валера тоже задерживаться не стал. Часы показывали по-

ловину третьего.

После бара. А после бара Валеру перевели во второй аппаратный зал. Так назывались эти комнаты с безумием.

Народу было уже совсем немного. Но всё-таки они были – те, кто хотел сорвать себе крышу за свои же деньги. Встав на пост у двери, Валера присматривался к происходящему.

А возле одной из кабинок стоял солидный бизнесмен и уговаривал двоих аппаратчиков.

– Понимаете, я хочу быть пьяным, максимально возможно пьяным, – раскрасневшись, объяснял он, обращаясь то к парню, то к девушке. – И чтоб я был босой. Снег скрипучий, мороз – градусов двадцать пять! А я босой, босой... И чтобы меня гоняли стоеросовым поленом. Можете так, можете?

Девушка была, видимо, новенькая или просто не в курсе, а потому беспомощно оглянулась на парня. Тот своё дело знал или просто был уверен в себе. А потому заинтересованно обратился к клиенту:

– Ещё раз давайте уточним: а полено обязательно должно быть стоеросовым?

– Непременно! – воскликнул клиент. – Главное, не забудьте: я хочу чувствовать себя максимально пьяным, максимально босым, максимально избитым и униженным!

– Всё будет так, как вы заказываете! – с этими словами парень распахнул дверцу кабинки.

Девушка прекратила теряться и услужливо принялась помогать мужчине забраться в аппарат.

– Хочу быть побиваемым, унижаемым! – не переставая бормотал тот. – Унижаемо-побиваемым...

Поддаваясь понятному любопытству, Валера сделал несколько шагов вперёд и вытянул шею.

Аппаратчики сустились вокруг клиента: пристёгивали к его запястьям и лодыжкам манжеты, проводки от которых уходили куда-то за кресло, опускали на голову тонкий обруч и приклеивали ко лбу будущего побиваемого стоеросовым поленом датчики. Хлоп! – чик! – дверца захлопнулась. На экране появились цифры – вроде как клиенту давление измерили. «Может, и правда давление, – подумал Валера. – А то мало ли – у кого-то сердце слабое. Откинёт сандалики в их кабине – Арина Леонидовна на нары спать отправится».

Мысль об Арине Леонидовне не понравилась Валере. Он любил думать о женщинах, с удовольствием подумал бы и об Арине. Но почему-то в таком ключе не хотелось. Да и некогда было.

Девушка под наблюдением более опытного своего коллеги пощёлкала кнопочками, нажала ногой одну педаль, другую. Ничего особенного не произошло. Подводная лодка капитана Немо (почему-то именно это сравнение пришло Валере в голову, когда он наблюдал за погрузкой) не задёргалась, не загудела, никуда не двинулась. И бизнесмен там, кажется, сидел спокойно. Жалко, за стеклом Валере теперь не было видно, что там с ним происходит. Как его, горемычного, гоняют и насколько полено стоеросовое. Только вопли – да,

чуть слышные, загашенные стенами кабинки вопли доносились до Валеры. Правда, знать, побивают голубчика...

– И что, он сейчас чувствует, что бежит по морозу – а его поленом, поленом? – не выдержав, спросил Валера у аппаратчиков. Которые, не отрываясь, следили за своим клиентом и показаниями панели зловещего агрегата.

– Конечно, – улыбнулась девушка.

Валера познакомился с ней и с парнем. Больше в этом зале никого не было, так что оба аппаратчика, чтобы быть бодрыми, особо пристально следили за своим единственным клиентом.

Но тут появилась роскошная женщина в вечернем платье и с высоким бокалом в руке.

– Это мой там? – кивнув на аппарат, спросила она.

Глаза её весело блеснули – очевидно, это был не первый её коктейль. Хорошая такая женщина, качественная. Пришла, значит, любимого проверить. Вот и гоняла бы, подумал Валера, своего пупсика поленом сама, что ж он за такую дурь деньги платит! Но в первый рабочий день давать клиентам советы он постеснялся. И отошёл к двери.

А женщина, оставив бокал на столике, сложила ладони лодочками, прижала их вместе с лицом к стеклу и принялась рассматривать прикованного к аппарату страдальца.

– В прошлый раз его драл медведь, – улыбнувшись, сказала она, уселась в кресло и отпила из бокала чего-то явно вкусного. Потому что приятно облизнулась и так же приятно

вздохнула. Валере понравилось, как.

– Драл безжалостно, – продолжала женщина, поскольку парень-аппаратчик с внимательным интересом (потому что обязан так вести себя с клиентами! – подумал Валера) принялся её слушать. – Но Федя его, конечно, заломал. О, Фёдор всю неделю после этого был на подъёме! Героем, он чувствовал себя героем! Попробуй сделай-ка медведя! А он его – как щенка, как щенка!

Валере нравились такие женщины – хорошенько выпив, они лишь веселили и воодушевлялись, а не раскисали. Так что женщина говорила – а он любовался. Кажется, она хвалила клуб – он дарил исполнение желаний, счастье и приносил гармонию в семью. Ведь Феденька чувствовал себя человеком, человеком! Валера подумал: вот бы ему такую женщину. Он бы и без медведя и стоеросового полена зажил как человек, да ещё какой человек!..

Дверь в зал открылась, вошёл ещё один аппаратчик – по крайней мере, парень во френче. И пока дверь не захлопнулась, Валера успел услышать голос... Арины Леонидовны! Что она тут делает в такую ночь? Или она прямо так в клубе и обитает, переживая за своё имущество и проверяя качество труда работников? А действительно это её клуб? Или она только управляет им? Конечно, наверняка не её – наверняка родительский. Или Ариного мужчины. Интересно, что у неё за мужчина?

Да, а ещё вот бы посмотреть, что творится там, в подва-

лах этого заведения, куда Валере хода пока нет! Какие ещё пыточные аппараты изготавливают? На ком тестируют? Арина Леонидовна вроде как говорила, что она сама принимала участие в разработке, все ощущения, взятые за основу, – её...

Арина... Леонидовна... Ишь ты, поди ж ты...

На всякий случай Валера расправил плечи и придал лицу необычайную бодрость. Типа: работаем, не спим. Но Арина Леонидовна так и не появилась.

Красавица в вечернем платье уже допила коктейль, рядом с ней стоял официант из бара и, наклонившись к её уху, что-то рассказывал. Женщина махала тонкой рукой, кивала, а сама не отрывала глаз от камеры, где всё ещё развлекался её любимый. Как-то она показалась Валере уже не очень. Тоже мне – середина недели, а она тут ночь коротает. И пупсик её со своим поленом занимается. На работу им, что ли, не надо завтра. Ей-то, может, и не надо, а побиваемый герой наверняка деньги зарабатывать отправится. Чтобы за эти самые деньги его архар в следующий раз здесь бодал. Арина Леонидовна наверняка предоставит ему такую возможность.

Арина Леонидовна. Валере так сказали её называть. И он называл. Даже в мыслях. Да что ж это такое!

Бизнесмен выполз из дверцы. Вид у него был ещё тот. Парень вспотел, тяжело дышал. Но, чувствовалось, был совершенно доволен. Он обвёл взбудораженным взглядом помещение, остановил его на своей женщине, схватил её за руку

и решительно поволок к выходу.

– Домой! – на ходу рявкнул он. – Срочно домой!

Женщина не сопротивлялась, даже смеялась и что-то рассказывала ему, но любитель вымышленного мазохизма упрямо шёл вперёд. Он отмахнулся от официанта, который увязался за ними (Валера специально прошёл следом, чтобы понаблюдать), женщина на ходу вытащила из сумочки деньги, официант ловко на лету поймал их.

Скрылись.

Жуть.

Смены чередовались – дневные с ночными. За ночные платили больше, дневные были короче – начинались в девять утра и заканчивались в семь вечера. Ночью удавалось вздремнуть часок-другой в помещении персонала. Но нечасто – беспрерывно колбасился народ в этом круглосуточном заведении. Какие особые ощущения можно было испытать в шесть утра, Валера понять не мог. Однако находились безумцы – специально приезжали или досиживали до самой зари, чтобы помучить себя тем или иным способом, создать имитацию какого-нибудь геройского поступка. Даже «Апачи на тропе войны», которые, как сообщила Арина Леонидовна, собирались демонтировать, вдруг целую неделю имели успех. Какой-то захват города индейцами – пошутил Валера в разговоре с девчонками, которые управляли автоматами.

Да, он постепенно познакомился почти со всеми, хотя ра-

ботников в «Разноцветных педалях» оказалось множество. Человек пятьдесят, не меньше. Ох и разношёрстная это была компания! Гениальный брат Арины Леонидовны Стасик, разработчик компьютерной начинки всего этого, мелькнул только раз перед взором Валеры – Коля Доляновский, тот самый, гонимый начальством сотрудник, охотно показал его, когда этот Стасик проходил по служебному коридору. Парень как парень. Гораздо более зловещее впечатление оставлял некто Мартын – смуглый узкоглазый тунгус или калмык с длинными, до пояса, суперчёрными волосами. Демоническая личность, большой друг Арины Леонидовны, как узнал Валера. Он занимался нейросенсорными технологиями, и именно благодаря им, разработкам этой хитрой науки, появились, в сочетании с компьютерами Стасика, все эти чудо-машинки. Его ещё, как слышал Валера, называли сенсорным гением. Ишь ты, неприязненная мысль залезла тогда в Валерин мозг, куда ни плюнь, тут у неё одни гении... У неё, да.

Ещё один большой друг Арины Леонидовны – панк-музыкант Мамед Батыров со товарищи, тоже был хорошо изучен Валерой. Забавная личность, харизматическая. Помимо песен и плясок на сценах разных заведений города, Батыров вёл на молодёжном радио особо развлекательные передачи, шокировал и дурачил публику. Его обожали, на концерты его группы ломились нещадно.

Барменом работала в «Разноцветных педалях» родствен-

ница панка Батырова – некая Джамия Мамед-Бабаева, женщина полутора центнеров живого веса, кудрявая, жизнерадостная и очень нужная. Она, как уверяли официанты, умела гипнотизировать на еду – тот, с кем она разговаривала или сталкивалась взглядом, обязательно заказывал к выпивке большое количество закуски. Даже если до этого совершенно есть не хотел. А после этого снова выпивки. А после этого опять закуски. Или сразу вместе...

Электрик дядя Коля по вызову. Персонаж жуткий, похожий на робота – он гремел разложенными по карманам железяками, совершенно не относящимися к электротехнике, так что о его приближении можно было узнать задолго. Ходил медленно – железки мешали. С ними он, наверное, и спал. Но являлся мгновенно – по первому же требованию. Где дядя Коля по вызову проводил всё остальное время, ожидая этого самого вызова, – Валера пока не смог выяснить. Но интересно было, интересно! И потому выяснить очень хотелось.

А повар Екатерина Александровна Конь – превосходящая Джамию Мамед-Бабаеву по всем параметрам – весу, ширине и высоте! А мулатка Полина – красавица и редкая язва, а все эти многочисленные программисты, официанты, водители, механики, посудомойки – с безумными, но очень точными кличками: Тунец, Подстаканник, Баян, Польза, Счастье, Парацельс, Киборг (так называли начальника другой смены охранников) и его дикая дивизия киборгов, состоящая, как

на подбор, из каких-то Полотнянко, Кишко, Разумейко, Горнянко! Все эти люди были странными, в нормальной жизни встречающимися редко, – с такими-то характерами и внешним видом. Смотрел на них Валера и не переставал удивляться. Где и зачем Арина Леонидовна ухитрилась насобирать такую интернациональную бригаду, оставалось только догадываться.

И всё же больше всех прочих Валеру интересовала, конечно, личность самой Леонидовны. Он пытался следить за этой удивляющей владелицей зверски-развлекательной империи, расспрашивал о ней тех, с кем завёл более-менее доверительные отношения, старался незаметно подслушать всё, что говорилось ей или о ней. С ребятами-охранниками было сложновато – они говорили мало, разве что ночью автоматчик Доляновский охотно болтал да официант Рома по кличке Польза любил делиться наблюдениями – но того больше посетители забавляли. Однако про Арину Леонидовну... Про Арину Леонидовну сведения собирались крохотными крошечками. Валера злился на это. Он что-то вообще много стал злиться в последнее время. И это тоже его злило.

Но информация всё же собиралась. Так, Валера узнал, что Арина Балованцева – дочка действительно богатых родителей. Богатых и удачливых. У неё была многочисленнейшая семья – Арину опекали мать и отчим, новая семья её отца, бабушки и дедушки с четырёх сторон, братья и сёстры разной степени родства. Захар, другой её сводный брат (Стасик

был вообще условно сводным – сыном новой папиной жены, но Арина называла его братом), занимался её банковскими делами, бабушка Татьяна Петровна Балованцева ведала бухгалтерией «Разноцветных педалей», бабушкина лучшая подруга помогала ей в этом. Торговые работники, банкиры и полицейские чины – все эти родственники очень любили Арину, непрестанно звонили и навевались в её заведение. И если бы не Коля Доляновский, который везде совал свой нос, Валера, конечно же, ничего подобного никогда бы не узнал. Ну появляются какие-то люди, и что?..

А одноклассники... Сколько, как выяснилось, тут работало одноклассников Арины Леонидовны! И панк Батыров, и играющий в группе «Рука прачки» Олег Дибич-Забакланский, одновременно начальник отдела рекламы и связей с общественностью этого заведения, и начальница первой смены Татьяна Астемирова, и официантка Вероника, и сам великий Виктор Владимирович Рындин! Наверняка это были ещё не все.

Таким простым способом Валера узнал, сколько лет Арине Балованцевой, – если одноклассникам её было по двадцать четыре года, то и ей, выходит, тоже! Вот это скорость продвижения по жизни! Вот это удачливость! Вот это ум...

Из собранных Валерой сведений выходило, что судьба Арины Балованцевой развивалась следующим образом. После школы девочка поучилась год в институте, затем решила эти же самые менеджмент и основы управления изучать

заочно. А в реальной жизни заняться чем-нибудь практическим. Огромное количество родственников с лёгкостью исполнило её просьбу: открыло Ариночке кафе. Сколотив надёжную команду, Арина Леонидовна быстро превратила своё кафе «Элегантный элефант» в образцово-показательное предприятие общественного питания. В «Элегантный элефант» стали водить детей, подростков и взрослых обучаться хорошим манерам и поведению за столом, так там всё было стильно и благообразно.

Но Арина заскучала. Времени у неё было много, кафе работало исправно. Арина наняла в «Элегантный элефант» управляющего, отошла от дел и ездила туда только с проверками. Ей захотелось теперь заняться каким-нибудь жизнерадостным спортом. На поиск ушло много времени – по рассказам очевидцев или, скорее всего, тех, кто это тоже от кого-то слышал, Арина долго рыскала по городу – её не устраивал ни дельтапланеризм, ни бег с барьерами, ни водное поло.

И вдруг Арина пропала. Её не было пол-лета. Где она? Куда делась? Зачем? – гадали её друзья и знакомые. Родственники партизански молчали. Но однажды в прохладный полдень она вошла в город на ходулях – высоких деревянных ходулях, точно таких же, на которых в самом начале двадцатого века один русский крестьянин дошёл из центра России до Дальнего Востока. Арина тоже побывала где-то далеко, потому что сильно загорела и грызла на ходу особенно крупные семечки, которые в здешних краях не произрастали и

даже не продавались. Мешок этих семечек висел за спиной у Вити Рындина, который тоже лихо передвигался на ходулях, а значит, сопровождал Арину в её походе.

Производство деревянных и облегчённых дюралевых ходулей было налажено в мастерской Ариного дедушки, ну, в смысле, отца отчима – мебельщика, и на арендованном станке в цеху машиностроительного завода. Купить эти ходули записывались в очередь. Производство под руководством дедушки, который делал это с воодушевлением и удовольствием, быстро встало на промышленные рельсы. Болеть и умирать дедуле стало некогда.

Клуб ходульников Арина открыла сначала в здании банка своего отчима. Затем был выкуплен спортзал с большой уличной площадкой. Витя Рындин, особо способный ко всему, что было связано с физической культурой, разработал методику, по которой все желающие могли обучиться ходульному бою. Одно время Арина даже хотела предложить полиции организовать подразделение столь эффективных бойцов: быстрых, с высоты ходулей видящих гораздо больше, чем остальные. А спрыгнет такой воин на землю, возьмёт ходулю в руки – и лучше быстро разбегаться в разные стороны. Однако жена папы, русского мечтателя Леонида Балованцева, умная суровая женщина – полковник полиции, отговорила Арину это делать. Тогда Арина просто зарегистрировала клуб как молодёжную организацию. Но зато теперь курьеры на укороченных дюралевых ходулях пользо-

вались большим спросом – а потому могли требовать себе повышенную зарплату.

Только вот и кафе с ходульным клубом Арине стало мало. Она родила сына Серёжу и продолжала думать.

Сын Серёжа! Да, у Арины Леонидовны был сын. Валера несколько раз видел этого младенца. Ему было года два, он резво носился тут и там. За Серёжей охотились многочисленные родственники, но, как стало понятно из Ариных с ними переговоров, на это была жёстко регламентированная запись. В очередь! – и родственники послушно строились в очередь, чтобы получить Ариного сына на недолгое увеселение и воспитание.

И уже после появления Серёжи Арина придумала устроить такой необычный клуб. Это не составило для заинтересованных семей большого труда – приобрести здание бывшей столовой (Валера вспомнил: действительно, когда-то в помещении «Разноцветных педалей» располагалась огромная столовая, которую все называли «Бегемот»!), финансировать реконструкцию, закупить супертехнику и... продолжать всё это оплачивать. Приносило ли предприятие доход, Валера знать не мог. Он бы, конечно, ни копейки за такие издевательства не заплатил. Но кто его знает, как обстоят дела. Да и правда ли всё, что удалось узнать Валере об этой страннейшей женщине и её делах...

В общем, у Арины Леонидовны Балованцевой имелось всё для создания и поддержания образа успешной гламур-

ной женщины. Даже лысая мини-собака. Собака была ещё меньше, чем нужно, и страшнее, чем принято. Арина Леонидовна таскала её с собой по пафосным заведениям, но выглядывала она не из изящной дамской сумочки, а из бывалой кроличьей шапки, которую Арина Леонидовна держала под мышкой. Смотрелось это убийственно нелепо, но Арину Леонидовну, по ходу дела, совершенно не смущало.

Тоже, наверное, имиджевая смелость и наплевательство. Всё продумано. Арина Балованцева столь крута, что может себе позволить и кроличью шапку с уродцем.

Так, стоп, а муж? Был ли у Арины Балованцевой муж? Кто же Серёжин отец? Или его использовали и выгнали за ненадобностью, как не оправдавшего высокое доверие семьи? Семей. И угнали так далеко, что он и носа к Арине не кажет? На этот вопрос Валере упорно никто не отвечал. Как только заходил разговор о личной жизни Арины Леонидовны, собеседники замолкали или честно пожимали плечами. Не знали? Или не хотели говорить – повязанные школьной дружбой? Или они были чем-то Арине Леонидовне обязаны, как-то необыкновенно она всех осчастливила, что они стали верными и преданными? Или при заключении трудового договора она клятву с них брала о неразглашении? Тогда почему с него, с Валеры, не взяла, ограничившись лишь его письменным заверением не триндеть о деятельности клуба? Потому что он пока на испытательном сроке, пока не имеет отношения к её персоне, не вхож в близкий круг? Так, конеч-

но. И всё же...

Лилию очень интересовало заведение, в котором теперь трудился Валера. Она с подружками даже пару раз в баре посидела – в эти моменты Валера там принципиально не показывался. И рассказов – требовала удивительных рассказов из жизни замученных на симуляторах. Валера рассказывал – всё рассказывал, в том числе и то, что ему удавалось узнать о жизни его загадочной начальницы. Не «трындец», а делился с близкими – это Валера чётко понимал, а потому не переживал.

И Валера, и Лиля были старше Арины Балованцевой, а похвастаться такими успехами не могли. Лиле это казалось обидным. Несправедливо это как-то было. Но посмотреть на удачливую дамочку ей хотелось. Не всё же на ногти других дамочек пялиться.

– Валера, пообещай: с первой же зарплаты ты обязательно должен сводить меня в свои глупые «Педали», – умильно-просительно сложив бровки, заявила как-то она.

– Чтобы тебя задрал медведь? – удивился Валера, попытавшись перевести разговор в шутку.

– Но он же не насовсем! Я же знаю. И ты там выбери, выбери мне что-нибудь интересненькое! Ну порадуй свою девочку...

И Валера понял, что обязательно придётся порадовать. Хотя сам сунуться на аттракцион он по-прежнему не решал-

ся. Оказывается, в свободное от работы время сотрудники «Разноцветных педалей» совершенно бесплатно могли получить порцию острых ощущений. Скидок для родственников не было, а сами – пожалуйста. Но что, что Валера мог выбрать? Он ходил мимо зверь-аттракционов, приглядывался, аккуратно спрашивал, размышлял, прикидывал. Доляновский ему неоднократно «Матрицу» рекомендовал – все, типа, с неё начинают. Ну или, по крайней мере, первым делом интересуются. И бегают себе по стенам. Но Валера в своё время остался равнодушен к этой самой «Матрице», да ему и не хотелось быть одним из «всех» – вот такой оригинал. А что хотелось – вопрос...

Была во втором зале такая установка: забираются люди в кабинку – и им врубают, да, на полном серьёзе, все ощущения эротического характера, которые испытывают организмы лиц противоположного пола. То есть садишься ты в установку, например, мужчина мужчиной, а все эти пятнадцать оплаченных минут чувствуешь себя стопроцентной женщиной. В объятиях партнёра. И, видимо, получаешь удовольствие. Пока только гетеросексуальное, сообщил Валере опять же болтун Доляновский. Но над однополой любовью работают. Клиенты интересуются. А многие просили врубить им ощущения по своему половому признаку – чтобы, значит, понять, что же чувствуют, когда секс происходит не как получается, а по-взрослому, на полную катушку. Чтобы знать, на что в жизни равняться. Для кого это вообще един-

ственная возможность в данном жанре выступить – потому что с реальными людьми даже за деньги или стыдно, или не получается. Кому чего, в общем... Этот секс-аппарат, пользующийся огромной популярностью, то и дело сбоил и ломался, то и дело носились к нему – от него наладчики. Народ требовал бесперебойной работы секс-имитатора – многим, выходит, хотелось нейро-сенсорной симуляции секса, а аппарат, как нарочно, глючило. Валера периодически ходил вокруг него и раздумывал, предлагать ли Лиле подобный комплекс ощущений или остановиться на чём-нибудь другом. С этим аппаратом Валере хоть было понятно – зачем. Но вот зачем остальные...

Правда, в последние дни, как сообщил Репник, должен состояться в первом зале монтаж нового агрегата – симулятора боя.

– О, вот это да! Вот это, я думаю, круто! – восхищался Геня. – Я с Мартыном разговаривал. Это мощно, это реально! Это не то, что на компьютере рубиться, – всё на самом деле! Ваще! Ты по морде – тебе по морде! И всё в реале, в реале!

Смысл нового аттракциона был простой: попавший туда чувствовал себя воином. Что закажешь из большого списка возможного, тем и будешь. Выбираешь себе эпоху – хочешь, шумерским пехотинцем, хочешь, римским легионером, ландскнехтом недорезанным, имперским клоном времён Звёздных войн, Брюсом Ли шаолиньского типа, благородным самураем, летучим гусаром, монгольским тата-

ром, да хоть Илюхой Муромцем. Соответственно выбираешь оружие, форму, время года, противника. По умолчанию ты очень ловкий и могучий и всё равно, когда бьёшься, получаешь ощутимые ранения, контузии, врагов своих реально убиваешь, кровь вокруг тебя брызжет фонтанами. Правда, самого тебя, как, впрочем, и в любом из установленных в «Педалях» симуляторов, убить не могут. Как ни старайся и не поддавайся – всё продумано. Радость собственной смерти ощутить не удастся – Арина Балованцева принципиально этой услугой не торговала. Даже с её демонтированного креста клиента снимали всё ещё живым.

Нет, вот с этим Валера был как раз согласен – побывать в чужой героической шкуре, почувствовать невозможные в обычной жизни ощущения, насладиться состоянием аффекта пытались многие поколения деятелей культуры. Но чтобы среди многообразия ощущений выбрать именно всё ЭТО, представленное в «Разноцветных педалях»... Впрочем, даже трети списка «удовольствий» Валера не успел изучить. Список услуг то и дело менялся – пополнялся, модернизировался с учётом пожеланий клиентов или новых фантазий разработчиков. И Арины Леонидовны... Это ж всё Арина Безумная наверняка придумывает! С жиру бесится. Или садистка такая. Или...

Всё время, Валера думал об Арине Леонидовне всё время. И постоянно стремился увидеть. Увидев, он тут же злился не по-рабочему. И старался смотреть немедленно с её глаз

долой.

А уж когда она начала ему сниться – в сочных снах подросткового типа, Валера взвыл и растерялся. Сны эти, как нарочно, не забывались. И, как ещё более нарочно, картины из этих снов, навеянных общей безумной тематикой и посвящённых решению эротических проблем, всплывали перед глазами, когда Валера видел Арину Леонидовну или просто слышал её голос. Валера при этом даже ядрёно краснел, вот дурь-то. Хорошо, что Арина Леонидовна об этом не догадывалась. А так бы что, если догадалась, интересно, – уволила бы? Не о том, не о том надо было думать.

Часто Валера старался пронаблюдать приезд Арины Леонидовны в клуб. Он прятался у служебной двери и смотрел, как подкатывала прямо к ступеням машина и оттуда вылезал Витя Рындин. Он распахивал пассажирскую дверцу. Если Арина Леонидовна прибывала одна, то она хваталась за аккуратно поданную руку, выскакивала на асфальт и вместе с Витей направлялась в здание.

Но Валере больше нравились семейные выезды. Когда Витя точно так же распахивал дверцу, отходил подальше. Сначала Арина Леонидовна выбрасывала собачку. Именно выбрасывала – маленькая собачонка вылетала из салона чуть ли не со свистом. Неизменно ловко она приземлялась на лапки, встряхивалась и подбегала к Вите. Вот эта самая мини-собака, как узнал Валера, и являлась тем самым гроз-

ным выявителем злодеев, опознавателем злокозненных носков. Действительно она что-то может – или ей просто создан такой имидж, по приколу, Валера ещё не выяснил...

Так вот. Вылетала собачка, Арина Леонидовна тем временем выдавала Вите ребёнка, затем выходила сама, захлопывала дверцу. Подбирала с земли собачонку, если та летела без привязи, пристёгивала к ошейнику поводок. И вся компания двигалась в «Разноцветные педали». Валера, просмотрев эту сцену, всякий раз успевал смотреться и оставался незамеченным.

Он не знал, как к Арине Леонидовне относиться. С одной стороны, было очень смешно, как собака вылетала из машины, вышвырнутая рукой безжалостной женщины. Но с другой – а чего бы ей Серёжу своего так не выкинуть... Видно, Балованцева хорошо понимала, над кем можно издеваться, а над кем нет. Собака – существо беззащитное, полностью зависящее от неё.

Тем более такая собака. И не собака даже.

Гнуся. Её звали Гнуся. Собака породы, выведенной специально для жалости. Так Валере казалось. Да и вообще, подобных существ он никогда не видел. Но, наверное, просто не присматривался к дамским любимцам, жителям сумок... Малюсенькое дрожащее существо на тонких ножках. У Гнуси даже шерсть почти вся выпала, так, редкие несимметричные клочки на некоторых местах только остались. Или же их изначально не было.

Арине Леонидовне, похоже, было Гнусю совершенно не жалко. В общепринятом смысле этого слова. Несмотря на холодную погоду, на ней никогда не было ни попонки, ни жилеточки, ни ботиночек, ни даже бантика – всех этих атрибутов дамского ухода за милым имиджевым существом. Баланцовский питомец носился везде самостоятельно – вернее, как носился: семеня потихоньку, как мог. Всякий раз, когда Валера видел жалкую собачку, неизменно переживал, не наступил бы на неё кто, дверью не зажал – уж больно мала она и ничтожна. Однако Гнусе пока везло – и она проскакивала между мощными ботинками, уворачивалась, когда на неё летела массивная дверь, норовя прихлопнуть. Зачем отпускать без присмотра? Нет – зачем вообще заводить такую собаку?..

Вот и думай, где милосердие у этой женщины.

Симулятор боя – да, Валера пришёл к выводу, что именно его опробует он первым и, вероятно, единственным из всех бешеных аттракционов «Разноцветных педалей». Да – эта мысль окончательно оформилась у него в самом начале дневной смены – когда, бодрый и подтянутый, Валера промаршировал с проверкой из конца в конец аппаратного зала. У нового агрегата толпились клиенты – несколько молодых людей отправляли на бой своего приятеля. Который смачно выбирал доспехи, и его в этом с не меньшим удовольствием консультировал аппаратчик по кличке Счастье.

В предстоящем рубилове взволнованный клиент собирался быть спартанским гоплитом, против которого выставлялся мощный персидский пехотный гвардеец. Счастье вертел туда-сюда по компьютерному монитору заданную в параметрах клиента фигуру – по рассказам тех, кто это уже испытал, Валера знал, что в программу заносился вес, рост и прочие объёмы будущего бойца, и, исходя из этих данных, подбирались доспехи и обмундирование. Они окажутся на нём в момент боя. Именно их герой будет чувствовать на себе, сабелькой выбранной конфигурации и веса будет махать в своём воображении. В воображении мышц рук, ног, пресса, спины... Вот ребята и подбирали. Фигура на экране обростала экипировкой. Медленным шагом, скашивая глаза и стараясь не выдать себя, Валера прошёл в обратную сторону. На коренастом компьютерном двойнике бойца была уже чешуйчатая кираса, наголенники и шлем с высоким гребнем. Клиент согласился на стандартный меч, самостоятельно украсил свой щит кошмарного вида рожей – смесью ухмылки горгоны Медузы и улыбки прихворнувшего Майкла Джексона, но продолжал спорить со Счастьем, требуя увеличить вес и длину и так огромного копья.

«Тоже мне, герой Фермопил... – останавливаясь у электрического щитка, усмехнулся Валера. – Третий класс, вторая четверть!» Ерунду какую-то выбрал. Вернее, не ерунду, а не по Сеньке шапку. Ну какой из этого стручка тяжёлый пехотинец? Куда ему с грыжей? А ведь заплатил, сейчас бу-

дет рубиться-то ведь типа как по-настоящему – и нормально! Прокатит! И что, что он там почувствует?! Ведь, Гена Репник говорил, тут же забываешь, что это всё имитация – и бьёшься как за ради бога... Нет, дурак пацан, для ближнего боя не то он выбрал! С этим длинным копьём и вспомогательным коротеньким мечом надо идти сокрушительным шагом в смертоносной фаланге, когда тебя прикрывает щит соседа, а так, на ровном месте, один на один – не прокатит. Ну не то же! А Счастье что, долдон, не может парню объяснить? Чего они там навывирали?

В долю секунды обдумав всё это, Валера разнервничался, вспотел. И понял: его тоже накрыло. Он хочет на этот аттракцион, хочет, хочет. Хочет быть кем-то мощным. Сильным, но лёгким, подвижным, но неуязвимым. Может, рыцарем времён первого Крестового похода? Там, кажется, ребята были без особых затей, не как бронированные танки, а шустрые, прикольные. Латы и шлем только по делу, без фанатизма, поверх лат мотается белый супервест с каким-нибудь мальтийским крестом – романтика! И хорошо бы, чтобы верхом – так надёжнее. Но с конём-то тоже как-то надо управляться, а Валера никогда, разве что в детстве на парковом пони, ни на одном и не сидел. Значит, только сам, пешим строем. Да ну – тоже мне, толкинист-ролевик. Американским морским пехотинцем надо заделаться – да, точно! Против мышцатого тайского убийцы. Это сила, это мозг, это скорость и суперреакция.

Да. Валера это сделает. Нужно только продумать всё до мелочей. И записаться на сегодняшний вечер, сразу на после смены, к глупому Счастью в очередь. Может, конечно, у него уже всё на сегодня расписано. Но ничего. На завтра. На послезавтра. На когда скажет. Выбрать только, чтобы не во время работы. И кем он будет, выбрать. Выбрать...

Валера выбирал. В упоительном перебирании милых сердцу бодрых персонажей проходили минуты и часы. Всплыли в памяти давние детские времена, когда он читал книжки о всяких карибских корсарах, космических рейнджерах и мушкетёрах короля, когда рисовал схемы внутреннего устройства звёздного истребителя и клеил из мельчайших деталек картонные модели баллист и катапульт, в подробностях знал, чем отличается трирема от септиремы и квинквиремы, а по каким тактико-техническим характеристикам «Фокке-Вульф Fw 190-A9» превосходит «Мессершмитт Bf 109E-3». Со временем это совершенно ушло из актива памяти, стёрлось или отодвинулось на крайние задворки. То ли стыдно стало даже в никому не ведомых мечтательных мыслях позиционировать себя тем, кем лет в тринадцать бывал он с лёгкостью – пламенным сокрушителем гоблинов или спокойным суровым покорителем межпланетных пространств. Почему всё это ушло от Валеры? Никогда он об этом не размышлял, а сейчас вдруг подумал. Может, потому, что он знал – надо жить жизнь, а эти знания и детские военизированные радости ничего для серьёзной нормальной

жизни дать не могут. И он как-то жил, как-то работал, как-то развлекался. И всё у него было нормально; без своих книжек, альбомов, склеенных моделей и затрёпанных постеров, давно отданных мелкому двоюродному братишке, он жил вполне прилично, не хуже других. Так а сейчас-то чего? Почему всё-таки накатило? Ведь Валере казалось, что он счастливо избавлен от игровой заразы Арины Балованцевой. Чего его так плющит?

У тех дядей, которые до сих пор рубят монстров у экрана своего электронного друга, подобных проблем нет. Так подумал Валера о своих сегодняшних переживаниях. Они хотят и играют. Может, реально представляют себя в жутких коридорах «Doom», а может, просто клавишно-мышковым образом стреляют, особо не парясь и не фантазируя лишнего. Проверить это, забравшись к ним в мозг, конечно, невозможно. А хотелось бы, чёрт возьми!

Как-то так сложилось, что жизнь Валеры спокойно шла мимо компьютера, а потому он если в своём небогатом детстве и поигрывал на тогда ещё дорогих и потому изрядно понтовых чужих машинах, то нечасто. А потому не пристрастился, геймером не стал, собственный агрегат не приобрёл. Женщин себе выбирал тоже без компьютерных заморочек, на игровые автоматы – даже в фойе кинотеатра перед началом сеанса убогим вампирам головешки поотшибать – и то денег жалел. Не прикалывало. А теперь... Гоплит против персидского гвардейца. Хи-хи. Зачем ему в детстве это всё

было надо? Почему впоследствии не пригодилось? Для чего мучает сейчас? Мечта могла стать реальностью прямо здесь, почти прямо вот немедленно – и потому что-то загорелось в Валериной голове, закрутились какие-то мучительно-приятные шарики-ролики. А что, это и есть мечта? Помолотиться с кем-то – причём с этим кем-то совершенно ненастоящим, изготовленным, если посмотреть широко, по щучьему велению Арины Леонидовны. Да – вот это всё и будет МЕЧТА? Или всё-таки мечта у людей другая?

Мысли не давали покоя. Первый раз в Валериной жизни они шли у него в голове параллельно друг другу. Обычно всегда последовательно, а тут вдруг думались параллельно: злая насмешливая мысль о деятельности Ариного заведения и подмене мечты бредовым нейро-компьютерным суррогатом. А ещё мысль о том, кого же, кого же себе выбрать, кем лучше стать – наиприятнейшая такая мысль с перебором возможностей, боевых качеств, видов вооружения тех бойцов, на ком он хотел бы остановить свой выбор... И уже вполне его голова готова была к настоящему перегреву и взрыву. Но мысли продолжались...

Переведённый на новый объект, Валера стоял на улице у служебных ворот – и грезил. Шёл снег, с ним тут же расправлялись многочисленные уборщики, шёл – расправлялись, шёл – расправлялись. Снег исчезал с асфальта, шустрые лопаты перекидывали его на клумбы, бойкие метёлки сметали остатки с дорожек. Многолюдная борьба со снегом не от-

влекла Валеру от сладостных мыслей. Яростно метут-кидают – да и на здоровье.

Он ставил ногу на бордюр – и видел её в крепком шнурованном ботинке «морского котика», чувствовал, как наливается она мощью и уже вполне готова для сокрушительного удара. Всё. Валера отработает смену – и запишется. Подойдёт к Счастью и...

Но пока к самому Валере подошёл Гена Репник. И сообщил, что он отправляется на задание. В смысле покидает территорию клуба, садится в машину и участвует в операции.

Ловить, кого-то будут ловить. Вернее, должны поймать. Обязательно.

Руководил операцией Витя Рындин. Валера узнал об этом, уже садясь в машину. Узнал, случайно обернулся на двери служебного выхода – и увидел, как на дело Витю провожает сама Арина Леонидовна Балованцева. Натуральным образом провожает, иначе не скажешь. Держа своего ребёнка Серёжу на руках, она стояла в дверях, тревожно смотрела на Витю и что-то тихо говорила. По лицу казалось, что даже просительно как-то. Валера, мысли которого весь этот день счастливо текли мимо Арины Леонидовны, хотел об этом подумать. Но не успел – потому что начал получать инструкции.

Машина каталась по городу целый день. Валера, Репник и Витя, оставив водителя, выскакивали у разных кабаков, рюмочных и богемных подвальных клубов «не для всех», вры-

вались туда – и смотрели, искали.

Искали человека. Больше. Искали поэта. Поэт – лицо, видеть, очень значимое. Но вот запил и пропал. Перед началом операции и в процессе Валере давали посмотреть его большую фотографию. Не запомнить этого гражданина было бы трудно. На фото поэт выглядел как пьяный ангел, проповедующий каннибалам. То есть так, когда есть что терять, но рыпнуться невозможно.

Звали героя Антон Мыльченко. С неменьшим успехом он отзывался и на ряд своих творческих псевдонимов, список которых Валере также был выдан. Не раз, не два и не пять Валера врывался в питейные заведения и громко оглашал этот список. Однако результат был один: на имена никто не отзывался, а прочие персонажи давали стандартный ответ: не видели, не слышали, сегодня не приходил, а ну вали отсюда нах...

Чтобы расширить зону поиска, машину оставляли в равноудалённой точке и рассредоточивались. Один человек обследовал одно заведение.

Поэта обнаружил Витя. Гене Репнику и Валере досталось лишь с почётом доволочь Антона до машины. Агентурная сеть, услугами которой пользовался Витя, донесла, что горестный поэт покоряет просторы швейной фабрики. И если в ближайшие десять минут его не снимут со штабелированной арматуры, на вершине которой Антон читает поэму о подневольном труде, придётся вызывать полицию.

С вершины поэт слез сам. К сожалению, Валера не услышал, что сказал ему Витя. Но безумец слез. К тому же, как отметил Валера, отволакивающий ценного кадра к машине, он и пьян-то особо не был. Больше выделывался.

А выделываться этот парень умел знатно.

И Гена Репник, и сам Рындин Витя, перед суровым величием которого трепетала общественность, относились к тщедушному фигляру с большим почтением. Даже водитель приветствовал его как старого уважаемого знакомого.

Антон Мыльченко, он же Антон Великолепенский, он же почему-то Гуманоид (неужели на это тоже откликается?), он же... Эх, во время транспортировки выронил Валера листок с псевдонимами, только три первых запомнил! Так вот этот Великолепенский вертелся и капризничал. А спокойные солидные мужики терпели. Молодой ведь, паразит, младше Валеры. А такой ему почёт. Чудеса. Непонятки. Хотя почему? Арина Леонидовна изволит привечать малахольного, потому что он барыню стишками потешает. Вот велели отловить и доставить, а то скукота у неё, понимаешь, скукотища... Развела вокруг себя кунсткамеру...

Приехали к клубу. Под белы рученьки дрыгающегося, как Петрушка-иностранец, Антона проводили в кабинет Арины Леонидовны. Витя Рындин остался там, Валера вместе с Репником был теперь свободен.

А ведь, может, и ничего – этот чмырь с копьём против персидского «бессмертного»! Рубились же они друг с другом

в своё время. Это он, Валера, просто завидует... Нет, но он всё равно бы выбрал себе кое-что получше. Выбрал, выбрал, решено.

Валеру ждало усиленное питание и Коля Доляновский, который в течение двух сигарет поведал суть операции по отлову драгоценного поэта.

Так и есть, Гуманоид Мыльченко-Великолепенский оказался Ариночкиным одноклассником! Вот почему такая почётная возня, Валере можно было и раньше догадаться!

Антошка писал стихи с малолетства. Его гоняли и угнетали – до тех пор, пока в классе не появилась добрая новенькая девочка Ариночка и не запретила это делать. Обижать перестали, стихи без помех теперь складывались в Антошкиной голове. Стихи, проза, басни, пьесы – парень сочинял всё подряд. Арина Балованцева заставила окружающих это ценить. Окончив школу, поэт продолжил заниматься литературным творчеством и самообразованием – в смысле читал, писал, слонялся по окрестностям и пытался жить подаянием. Этого требовала его натура мизерабля. Арина Балованцева, её семья и друзья опекали и подкармливали Антона, но он рвался из дружеских рук в суровые будни своей скитальческой жизни. Группа «Рука прачки», основу которой, как помнил Валера, составляли всё те же коррумпированные одноклассники вездесущей Балованцевой, с успехом положила на музыку и исполнила несколько стихотворений Ан-

тона Мыльченко. Получились песни. О чём Антошке сообщили и даже заплатили гонорар. Гуманоид тут же все деньги спустил, продолжил свою обычную жизнь, в которой он мучился, страдал – синтезируя стихи из этих своих страданий. В один прекрасный для поэта момент Арина Леонидовна собрала воедино его творчество, распечатала в нескольких экземплярах, положила в красивые папки и в сопровождении Вити Рындина отправилась в Москву. Выбрав там самый лучший союз писателей, Арина и Витя вошли в кабинет его председателя, потребовали при них прочитать гениальные произведения Антона Мыльченко и тут же выписать ему удостоверение великого поэта Земли Русской. Какие аргументы приводили они, Коля Доляновский, к сожалению, не знал, однако, вернувшись, Арина Леонидовна с гордостью вручила Антошке билет члена Союза писателей России. Было это при большом скоплении людей на сцене «Разноцветных педалей», даже городское телевидение пригласили снимать мероприятие – ну, конечно, не каждый день поэта чествуют.

Но главное, Арина Леонидовна назначила талантливому другу именную стипендию. За вклад в искусство и литературу – документ, подтверждающий это, и сейчас висит в драгоценной рамке, украшая холл клуба, можно подойти и посмотреть. Так что всё по заслугам и честно. Только... сам поэт приходил за своей стипендией стеснялся. Вот раз в две недели Вите и приближённым приходилось отлавливать

скромного героя, в тревоге за его здоровье насильно отрезвлять, давать денег и снова отпускать в мир бурь и гроз. Чтобы Антон черпал там вдохновение и всё остальное.

Доляновский рассказывал и хихикал. А у Валеры леденела кожа головы. И волосы на ногах шевелились.

– Ему, значит, насильно жизнь оплачивают? – переспросил он. Пока Валера не мог понять, как он ко всему этому относится. Не мог. Нет. То ли где-то факты искажались, то ли во всём этом был страшный изъян. Всего ужаса которого он пока не постиг, а потому и, как реагировать, не знал: то ли восхищаться, то ли немедленно пойти к Арине этой Леонидовне и заявить, что она не права.

– Ну так. Хорошо пристроился, чухрик, – хмыкнул Доляновский, приятно удивлённый эффектом от своего рассказа.

Часы показывали двадцать минут девятого. Смена закончилась час двадцать назад... Валера метнулся в аппаратный зал. Счастье срулил домой, заступила другая смена. Народу возле симулятора боя было ещё больше, чем утром. Да и вообще посетителей в заведении толклось множество. Фанаты, блин. Игрунчики. Последние романтики... Тьфу! Валера злился – на этих людей, на Арину проклятую Леонидовну, да – она всегда была при чём, она во всём виновата, на неё надо всё валить, так ей и надо! И на себя – на себя он был зол, на лоха слюнявого, нерешительного.

Аттракционом заправляла теперь негритянская язва Полина. Что она понимает в настоящих мужских играх? Валера

осознал, что подойти и попроситься на сеанс он не может. Ну почему Счастье смотался? Он бы с ним нормально договорился, всё бы объяснил. А Полине... Нет, он ни за что не признается этой мартышке, кем он себя видит и с кем желает сразиться. Обсмеёт ведь, зараза. Или скажет что-нибудь такое – как кислотой в глаза плеснёт, до того девка ядовитая. После её слов жизнь долго не в радость. Ишь, улыбается, жмёт на педали, щёлкает шоколадными пальцами по кнопкам. Разводит таких же лохов – вот они с удвоенным фанатизмом возле неё и крутятся. А это не бордель – там же, в этом симуляторе, если Репник не врёт, если Счастье не гонит, если Доляновский не брешет – там жизнь, там адреналин, там суровая радость. А тут эта губошлёпка жопой крутит. Какая профанация! Ну кого только набрала Арина Леонидовна!..

И в то же время можно просто взять да и сказать: запиши, Полина, – и все дела. Скажи, какого числа и во сколько, а уж я тогда и сформулирую, какого бойца себе выбрал. Да, вот так и сказать. Запишет, никуда не денется. Валера уже готов был на поступок. Его и Полину разделяло несколько шагов.

Которые он так и не сделал. Не сделал. Проклиная себя за трусость и вялость, Валера развернулся и отправился восвояси. Да. Придётся отложить до следующей смены. Ничего. Он придёт специально пораньше. Он всё сделает.

Поэт Антошка, уже весь приличный, с чистыми причёсанными кудрями, в костюме с галстуком-бабочкой сидящий за

столиком в баре, смеющийся и безобидный, вызывал у Валеры стойкую неприязнь. Если бы не он, если бы не его отлов – да, Валера бы уже давно свершил задуманное и больше не парился! К списку виновников в своей неудаче Валера добавил это эфемерное существо. Пунктом вторым. Навсегда.

Шли дни. Валера не решался подойти и заказать себе бой в симуляторе. Обслуживал ли этот аппарат Счастье или та же Поинка. Чем дольше он оттягивал момент, тем стыднее и неудобнее ему становилось. Просто подойти и попроситься. Нет. Нет, не получалось. Нет.

Валера подумывал о паранойе, вёл даже разговоры сам с собой, приводя аргументы за и против. Понял, что сойдёт с ума, – и тогда честно отказался от этой такой неважной, такой ничего не значащей, в сущности, затеи.

И ему даже полегчало. Полегчало, причём значительно, правда! Валера перестал заходить в автоматные залы. А если и приходилось по работе, то он старался отключить там все свои мысли, все эмоции. И даже слух со зрением – чтобы не видеть и не слышать того, что происходит с теми, кто был или будет там ошастливлен.

С Лилей он тоже перестал разговаривать на эту тему. И вместо того, чтобы после зарплаты, как он и обещал, порадовать девочку посещением заветного развлекательного места, порадовал её поездкой на выходные в загородный пансионат с аквапарком, караоке и другими достойными радо-

стями жизни.

Ему и самому эта затея с поездкой понравилась. Он скачивался с горок в облаке брызг, трясся в бурлящих ваннах, валялся на турецких подушках и курил кальян, аплодировал поющей в микрофон подруге жизни, скручивал пальцы в фигу и показывал её своему рабочему месту, работодателям и клиентам. Нормальная жизнь выигрывала с большим преимуществом. Поэтому пусть ему платят деньги все эти господа ненормальные – за то, что он этих самых ненормальных бережёт и охраняет. А развлекают и радуют пускай его нормальные, нормальные! Развлечения пусть будут простые, хорошие, человеческие! Так в жизни и должно быть. В этом заключалась её простая правда. Даже у Арины Леонидовны и её ядовитой вольнонаёмной Полинки не нашлось бы адекватных аргументов, чтобы оспорить это.

...Валера, отмассированный, откормленный и качественно развлечённый, выпавшийся, ублажённый благодарной и довольной Лилей, ехал домой. И чувствовал, что всё в его голове встало на место. На правильное спокойное место. А те, кто мешал этому, пусть мчатся к чёртовой матери на лёгком катере. На триреме, если им так хочется. Да.

Инфантильная! Собираясь на работу, Валера услышал это слово от телевизора. Вот – точно! Балованцева Арина попросту инфантильная личность, обременённая большим количеством денег своих родственников, поэтому и получившая

возможность воплощать в реальность собственные замыслы. Инфантильные же!

Валере слово понравилось. Да ведь и сама атмосфера балованцевского заведения – инфантильная и есть! Все эти развлечения – для невыросших детей с деньгами. Инфантильное сознание Арины Балованцевой и её окружения привлекает таких же. Тех, кто боится реальной жизни и прячется от неё в аппаратах. Поди на самом деле заломай медведя! Дождись спасательного рыцаря, побейся с самураем хоть пятнадцать секунд... Вот то-то...

Детство в жопе играет! Детство.

А сама Арина – инфанта. Точно – это слово Валере ещё больше понравилось. Зло и часто он называл её так про себя – пока не узнал правильного значения этого слова. Подрастающая принцесса. А тут действующая императрица. Не подходит, блин.

Инфанту Валера сократил, но инфантильным заведение называть не перестал. И Лиля его в этом поддержала.

Третьим и четвёртым человеком, который попался Валере в первую минуту нового рабочего дня, оказалась Арина Леонидовна. С ребёнком Серёжей на руках и общим видом мадонны она выплыла из своего кабинета, поздоровалась и зашагала по коридору. Едва она скрылась за какой-то дверью, из её кабинета выскочил Витя Рындин. Увидев Валеру, он легко вдёрнул его внутрь.

– Пожалуйста, – услышал Валера. И тут же получил в руку маленькую коробочку. – Иди на улицу. Похорони. Это воробей. Кека. Он опять умер. Арина не знает.

Валера посмотрел на стол хозяйки. Насколько он помнил, клетка с воробьём стояла там. Во всяком случае, в прошлый раз, когда он посещал этот кабинет. Но сейчас клетки не было. Только коробочка. С воробьём, что ли, действительно? Заглядывать в неё охоты не было. И что значит – опять умер?

– А до этого он когда уми... – начал Валера. Но Витя перебил его.

Лицо Вити было обычно монументально-спокойным, но сейчас он волновался и чуть не плакал. Поэтому и лицо имел соответствующее.

– Арина не знает. Это уже седьмой воробей. Ну не живут они в клетках! А она думает, что это всё один и тот же. Что Кека. Нового сейчас принесут. Похорони этого. Танюшка Астемирова пока Арину отвлекает. А ты иди. И не говори никому. Она его любит.

– Виктор Владимирович... – послышалось из-за двери одновременно с негромким стуком.

Витя распахнул дверь. Неприметный дяденька в сопровождении охранника Дубова толкся в коридоре, пряча что-то под курткой. Отпустив Дубова, Витя очень осторожно, двумя руками принял у дяденьки растрёпанного воробышка.

– Открой, – кивнув на коробочку, скомандовал Витя Валере. – Я сравню.

Валера подчинился. Мёртвый воробей был чересчур приглажен и словно заморожен, тогда как свежепойманный казался слишком крупным и непохоже-серым. Впрочем, более точно рассмотреть его не удавалось – в руках Вити воробья было почти не видно.

– Чего-то он слишком пушистый какой-то, – с сомнением и всё так же волнуясь, покачал головой Витя.

– Самец, – констатировал дяденька. – Должен быть точно как предыдущий. У них окрас одинаковый. Пёрушки осядут. Успокоится – и осядут, вы не бойтесь. Такой же окажется.

– Идём! – приказал Валере Витя.

Валера двинулся за ним. Они вошли в дверь, за которой – а Валера даже и не предполагал! – начинались натурально жилые комнаты. Гостиная с домашним кинотеатром, детская с колыбелькой, уголок с книгами, встроенный зеркальный шкаф. Спальня наверняка тоже там где-то дальше имеется. Понятно – живёт она всё-таки здесь. И не одна. В смысле, не только с сынком со своим живёт. А раз Витя тут по-хозяйски ходит... Неужели всё так просто?

У, бабка-проныра-сплетница! – одёрнул себя Валера. А-а, клетка. Они пришли за клеткой. Точно! Витя, руки которого по-прежнему были заняты, кивнул на неё. Валера открыл дверцу, Витя впустил птичку за решётку.

– Дай-ка ещё раз посмотрю, – приказал Витя.

Валера вытащил коробку с мёртвым воробьём из кармана – и только тогда понял всю степень цинизма ситуации. Он

заразился местной беспринципностью, он распахивает карманы по карманам и даже не замечает этого! Увлёкся созерцанием внутренней жизни таинственной Арины Леонидовны, вот и... Тьфу!

Воробей был явно похож на своего предшественника. Витя согласился с этим и, удовлетворённый, оставил нового Кеку в клетке. Увёл Валеру из святая святых. Расплатился с птицеловом. И велел Валере проводить того до выхода.

– Закопай за территорией, – уже за дверью Ариного кабинета шепнул он на ухо Валере. – И молчи.

Валера шёл по коридору, глядя в затылок невысокого щуплого дяденьки. Кого закопать? Убить и зарыть поставщика воробьёв – чтобы унёс в могилу тайну Виктора Рынди-на? Понятно, что речь шла о несчастном птичьем трупике, но Валера сознательно глумился.

Он проводил птицелова до ворот территории, остановился и долго стоял, глядя ему вслед. Затем вдруг спохватился, рука с зажатой в ней коробочкой судорожно дрогнула – труп-то так и не закопан!

Валера шагал по дороге. Тут и там удаляли снег с асфальта многочисленные дворники. В районе, где жил Валера, снег вообще не убирали. Он просто утаптывался, как получалось. Где-то на тротуарах раскатывались длинные ледяные дорожки, где-то на снег и лёд сыпали соли и песка. В окрестностях же Валериной работы власти вели со снегом прямо-таки непримиримую борьбу. До самого асфальта. А на дворе

стоял декабрь. Так что снега оставалось ещё месяца на три, не меньше. Интересно, кто кого?

Несколько раз Валере хотелось просто зашвырнуть коробочку с Ариным грехом просто в кусты. Но тогда бы пришлось возвращаться в клуб. Как-никак, миссия выполнена. А мыслительная злость не отпускала его. И в таком состоянии охранять Арину Леонидовну и её контингент было невозможно. Вот Валера и шёл. Прямо. В смысле, куда глаза глядят.

Чем она так привязала к себе Витю, что он заботится о её спокойствии таким жестоким способом?

В последнее время жизнь Валеры наполнилась противоречиями. Они мучили его, они его тревожили. Они просто БЫЛИ – и этого оказалось вполне достаточно, чтобы выбить его из колеи. Эта работа, эта проклятая работа, вернее, конечно же, это дурацкое место! Бежать, бежать нужно было из «Разноцветных педалей», бежать от их хозяйки! Но вместо этого при воспоминании об этой самой хозяйке Валера, положительный молодой человек с мёртвой птицей в руке, поймал себя на странном желании: ему хотелось добраться до Арины Леонидовны, упасть перед ней ниц и биться, биться, исступлённо биться об пол лбом. Зачем – неизвестно, но почему-то ХОТЕЛОСЬ. Не просить ничего, не вымаливать прощения, а просто и бессмысленно биться.

Зафиксировав эту дебильную мысль, Валера вспотел. Вот это да... Что с его мозгом? Или это не мозг, это инстинкты

какие-нибудь? Усилием воли Валера заставил себя переключить сознание. А то трындец самооценке. Небо, снег, скоро Новый год, Новый год... Хотел вытереть лицо, но поднял руку, увидел коробку сдохлым воробьём, вспомнил про обещание Вите его непременно закопать... И почему Витя не поручил похороны продавцу? Потому что это разные функции? Один поставляет, другой хоронит? Не иначе.

Ладно, раз обещал, надо выполнять, сколько можно по улице мотаться. Снег продолжали чистить. Попросив у дворника на минутку острую лопату, Валера шагнул в кусты, раскидал снег, выбил в земле ямку, положил в неё коробочку, завалил-присыпал снежно-земельной смесью, вернул орудие труда и зашагал прочь.

Долг перед Витей был выполнен.

Витя.

Тоже удивительная личность. Ничего особенно инфантильного в нём не замечалось. Но было – раз Витя работал в «Педалях». Просто тщательно скрыто. Что фигура, что русское народное лицо – Витя Рындин ну просто супербрутальный красавец, гордость нации. В его присутствии Валере казалось, что этот человек решит все его проблемы. Такое спокойствие и уверенность внушал Витя. «Не мужик, а чудо какое-то!» – подумал о нём Валера и изо всех сил пожелал ему счастья. Хотя у Вити и так, кажется, всё было совершенно нормально. Только вот с личной жизнью как-то непонятно. Есть она у Вити с Ариной Леонидовной – или нету?.. Да,

опять Валера съехал на эту тему. Но интересно – что всё-таки за парочка Арина Балованцева и начальник её охраны?..

Мысли добрые – вот типа этих – перемешивались в голове Валеры со злобными. Он напомнил себе непоследовательную девятиклассницу – обиделся на это и даже рывкнул в мутное пространство дороги. Ух.

По всей территории клуба по-прежнему уничтожали снег во всех его проявлениях. Особенно доставалось льду. Его убивали до того, как он начинал образовываться. Валера даже испугался, что сейчас тоже получит в руки лопату, ломик или метёлку. Ступеньки центрального входа обрабатывали из шланга горячим паром, насухо вытирали тряпками – чтобы, как объяснили Валере, этот самый несчастный лёд не нарастал. Люди работали, работали, не жалея сил. Валера смотрел на них, впад в оцепенение. Но ведь нельзя зимой весь снег уничтожить! Чья это бредовая инициатива?

Так и есть – именно Арина Леонидовна была с таким явлением природы, как зима и снег, решительно не согласна. Распоряжение, конечно же, было её. Вот, узнав об этом, Валера и разозлился. Ради дурной прихоти этой козы вкалывало в четыре смены огромное количество людей! Поступил приказ: снег и лёд убрать с дорожек каким угодно способом. Лишь бы их не было... А ради чего? Чтобы тюк-тюк-тюк – пробежала Ариночка Леонидовна от двери машины до двери клуба в тоненьких сапожках на шатких каблучках. Она – или

собачка её убогая, непотребно крошечная, но в любую погоду самостоятельно шпарившая из машины до дверей клуба. Так почему бы снег только у парадного и служебного входов изводить – а остальное пространство не трогать? Валера не знал ответа на этот вопрос. Не знали и многочисленные дворники. Скребли себе без разговоров. Валера подумал, что, может быть, это распоряжение властей района – вспомнив дворников вдоль долгой своей дороги с птичьим трупом. Вот, может быть, Арина Леонидовна и выполняет так рьяно это распоряжение. Провинилась в чём-нибудь по своему безумию перед властями – и выслуживается.

Эта идея заставила Валеру снова задуматься и не ненавидеть Арину Леонидовну так яростно.

Минут пять. Да, минут пять он был в спокойном расположении духа. А потом по требованию своего начальника Репника прошёл в бар...

О ужас, что там творилось! Барная стойка со всем содержимым была накрыта полиэтиленом, столы и стулья собраны, отнесены на сцену и тоже упакованы. В стену, отгораживающую правую сторону бара от первого аппаратного зала, монтировали что-то стеклянное. Суетились рабочие, ими руководили два прораба и Арина Леонидовна. Тут, надо признать, ей не было равных. Невысокая, скромных пропорций, спокойная, скупая на жесты и вопли, она заставляла присутствующих работать так, как будто от этой стройки зависела

их жизнь, как будто только одно ленивое или неверное движение – и всё рухнет, похоронив под руинами каждого, каждого из тех, кто здесь находится. Вот чтобы не ошибся и не поленился этот самый каждый, чтобы сплочённое, быстрее и качественнее шла работа, трудяги и вкалывали. Они не боялись Ариных окриков – подталкиваемые её приказами, они просто старались работать как можно лучше.

Правда, и здесь Арина Балованцева не смогла обойтись без своих фирменных понтов. Если ей было что-то плохо видно, она подносила к глазам странную штуковину на палочке. Рассматривала, что ей надо, складывала свой прибор – и он продолжал болтаться у неё на шее. Лорнет – подойдя поближе, Валера понял, что это самый настоящий лорнет! Раскладной. Арина Леонидовна брала его в руку, нажимала кнопку – лорнет раскрывался, являя миру два стекла, убранных в квадратную стальную оправу. Ручка, за которую Арина Леонидовна свой лорнет держала, затем раскладывалась и принимала форму футляра. Стильно, конечно, но поначалу жутко. Это ж додуматься надо было! Зачем?..

Впрочем, эта мысль ненадолго забрала себе Валерино внимание. Он не знал, существует ли на самом деле магия – но, подчиняясь воздействию Арины Леонидовны, больше всего на свете он хотел сейчас броситься к огромному стеклу, которое врезали в стену рабочие, подносить шурупы, нажимать на кнопку дрели, мешать раствор, тянуть кабель. То есть делать, что-нибудь делать!

Но его окликнул Гена Репник. Смена постов. Валера подчинился.

Целый день шла стройка. Арина Леонидовна то появлялась там, то уходила по своим делам. Она восхищалась. Просто восхищала Валеру. Таких руководителей он не видел никогда. Не напрягаясь, не истеря и не сатанея, Арина Леонидовна Балованцева могла управлять армией, флотом, планетой, галактикой. О, как до этого Валеру бесили женщины-начальники! Первая, Арина Леонидовна была первая, которая этого не делала. Не бесила. Она имела талант. Наверное, она была административный гений. Валера решил простить ей бессмысленное уничтожение снега.

Но вечером Валера случайно услышал разговор, который вела Арина Леонидовна по мобильному телефону. Она сидела на диване в служебном коридоре, возле неё изнывал по стойке «смирно» Доляновский, вероятно, ожидавший очередной моральной лупки. И говорила – проходивший мимо Валера как мог активизировал свои слуховые возможности:

– Привози ещё! Отлично, Кека ест его просто отлично. Да, такой аппетит сегодня прорезался. То ни в какую ничего клевать не хотел, всё сидел нахохлик-нахохликом, а сегодня ест только так! И бодрый! У меня вчера времени не было его как следует покормить, а сегодня я занялась. Да, бабуля, это, я уверена, из-за твоих витаминов! Теперь всё время буду давать. Я проэкспериментировала: как он пилюльку заглотил,

так сразу и собачьего корма съел, и кошачьего, и овса, и канареечного сбора, и хлеба, и даже семечек погрыз. Бодрый теперь такой, резвый – даже звука телефона опять перестал бояться. Какой же он у меня умница! Милый, милый птенчик!

Валера злобно фыркнул. Эта дура и не предполагала, что уморила уже семь воробьёв! Корм собачий, кошачий, лошадиный. Пилюльки бабулькины испытывает. Тоже мне – птичница-отличница! Ух, как Валера был зол! А ещё упасть ниц утром хотелось – вот бред-то! В административные гении решил её записать. Абсурд! И откуда такие мысли возникают? Может, всё-таки правда – Арина Балованцева и её подручные владеют секретами нейролингвистического программирования?! И внушают людям такие хорошие мысли о себе. А сами творят чёрт знает что – воробьёв мучают, снег заставляют горячим паром выжигать. Глумятся, одним словом, жестоко глумятся... В основном она глумится – Арина дурацкая Балованцева!

Придя на следующую смену, Валера увидел вмонтированный в стену аквариум. Готовый. Второй. Первый уже был – в противоположной стене. Своим ужасным видом он ещё в начале карьеры потряс Валерино воображение. В большой стеклянной ёмкости плавал гигантский питьевой гриб. Как поведал остолбеневшему тогда Валере официант Польза, этот гриб однажды увидела Арина Леонидовна у некой

старушки. Что уж это была за старушка и как Арина Леонидовна к ней попала, Польза уточнить не мог, пробормотал про какие-то бумажные цветы и фигурки для канопе – Валера списал эту муть на веерное переключение сознания Пользы с простого на официантское – с канопе и прочими бирюльками. В общем, гриб был единственной живностью в доме этой самой старушки. Он сел ей на шею, самым настоящим образом пил из бабушки соки и заставлял работать на себя. Целый день с перерывами на работу она заваривала ему чай, сластила, остужала и подавала. Гриб пёр в ширину и в высоту, слоился, требовал простора и ещё больше сладкого чая. Наконец он обосновался в ванне, где его и обнаружила Арина Леонидовна. Конечно, такая экстравагантная дамочка, как мадемуазель Балованцева, не могла не купить столь чудного зверя. Она тотчас распорядилась поставить в баре этот самый первый аквариум. Специально нанятая бригада перевезла туда разросшегося гриба, который, избавив от себя бедную старушку-рукодельницу, начал приносить пользу Арине Леонидовне и народу её.

Жидкость, которую выделял из себя чайный гриб, как известно, вкусна и полезна. Минеральная вода ей и в подмётки не годится. Через специальный краник жидкость из аквариума разливали по высоким стаканам и подавали посетителям. *Напиток «Гармония»* – так назывался в меню продукт, выделяемый грибом.

В аквариуме, который со временем увеличили чуть ли не в

три раза, грибу было привольно. Через шланг к нему непрерывно поступала свежая сладкая заварка, за изготовление которой отвечал помощник повара каждой смены. Столики возле стенки аквариума с бледным слоистым слизняком пользовались особым спросом. Что-то в этом было утончённо-мерзкое – когда всего лишь два сантиметра стекла отделяет тебя от настоящего чудовища, которое медленно переваливается с боку на бок, лениво плещется и вздрагивает, засасывая заварку...

Валера помнил, какой столбняк вызвал монстр у Лили и её подруги, когда они сначала плюхнулись за столик и только спустя минуту разглядели, кто барахтается за стеклом у них перед носом. Пить полезный напиток, выделяемый мерзким гадом, они отказались наотрез. А вот сам Валера пил – вкусный, действительно бодрящий и даже, кажется, пищеварение улучшающий. Правда, смотреть он на гада всё равно не приучился – ну не мог Валера найти ничего эстетического в бледных слоистых складках. А люди тарасились. Что же их так привлекает в уродстве, что притягивает в созерцании отталкивающего? Или они просто пытаются тянуться вслед за недостижимой Ариной Леонидовной, которой все эти чудачества нравятся действительно?.. Хотя, может, ей выгодно играть на глупых струнах тёмных душ недалёких людей – они же ей денежки свои несут за то, что их здесь пугают, бесят – в общем, ублажают. Всё это продуманный бизнес – вот она и изображает любовь ко всему корявому. Да, наверняка...

А сегодня в новом, втором аквариуме Валера увидел стаю серых некрасивых рыб. Рыбины, сантиметров тридцать-сорок каждая, гадко сновали туда-сюда, тускло поблёскивали кривоватыми спинами, что-то выискивали на дне и пожирали. У самого потолка над аквариумом копошились двое рабочих.

– Это они воду морскую подливают, – сообщил Валере официант Польза. – А сейчас опять кормить будут. Знаешь чем? Специальным морским мусором. Отдельного человека наняли закупать этот мусор, следить за морской водой и вообще. Видишь вон того парня? Вот его работёнка...

– А что это за рыба-то? – Валера смотрел-смотрел, но всё никак не мог понять.

– Это минтай.

– Кто?!

– Минтай, – изрёк Польза. – Настоящая рыба народной марки. Нам вчера вечером Арина Леонидовна всё про эту акцию объяснила. Это ж акция, ты понял, нет?

Валера про акцию не понял. Минтай. Ну до чего ж неприятные рыбы. И мусором питаются. А мусор дорогой. Блин...

– Этим, Арина сказала, мы подчёркиваем свою связь с народом, – продолжал Польза. – Все будут смотреть и знать.

– Что знать-то?

Конечно, Польза и сам не знал, что нужно знать. Наверное, и Арина Балованцева не знала тоже. Так или иначе, но теперь и вторую стену зала украшали шмыгающие уродцы.

Правда, в отличие от полезного гриба дохода от минтая не предполагалось никакого. По крайней мере, Валере ничего, кроме как вылавливать рыб и жарить, в голову не приходило. Но выловить-то выловят, а какой буржуй минтай станет есть? Или всё же станет – если замотивировать это как акцию? То есть, надо полагать, в том, что Арина Леонидовна шла на такие издержки, был очень скрытый имиджевый смысл? Или же только дурь, а смысла никакого? Валера склонялся ко второй версии. Но не могла же Арина Балованцева действительно быть такой дурой. Тем более что...

– Быков едет, Быков едет! – кипеш, невероятный кипеш поднялся однажды часов после пяти тёмного декабрьского дня.

Забегали охранники, засуетились официанты. Быков, Быков – очередной лучший друг Арины Леонидовны. В гости к ней едет.

Валере в этом плане было легче – лучшего друга Быкова он не знал, а потому и стараться перед его приходом не планировал.

Ой, мамочки-мадамочки!.. Едва лучший друг Арины Леонидовны пересёк порог клуба, Валера, который как раз принял пост у входа, глазам своим не поверил. Об этом человеке слышали все в городе. Валера даже его портрет как-то видел, не мог, правда, вспомнить – где. Но видел точно. Лёха Быков – молодой «авторитет» новой формации! Примерно ро-

весник Валеры, вышедший на тропу альтернативной законности лет эдак в четырнадцать. До сих пор не побывавший ни в колонии, ни в тюрьме, он представлял собой именно его – жесточайший, суровейший и безжалостнейше-справедливый иной закон. В подчинении Лёхи Быкова находились несколько районов города и примыкающая к ним часть области. Правда, именно этот район, на территории которого стояли «Разноцветные педали», в его юрисдикцию не входил. Но, наверное, это было лишь вопросом времени.

Сейчас же Лёха приехал сюда не по этой причине.

Дружить. Он приехал дружить с Ариной Леонидовной.

Сначала они весело сидели за столиком у сцены, на которой перед этим играли Мамед с ребятами. Отыграв, музыканты ненадолго подсели к ним – получив трогательные похвалы скупого на слова Лёхи, они уехали в другой клуб давать свой следующий концерт. К Арине Леонидовне и Быкову (Валера очень старался всё рассмотреть, за всем незаметненько проследить) присоединился Витя Рындин. Тоже посидел с ними недолго. Арина Леонидовна и Быков чинно разговаривали, Вите, видимо, эти разговоры были весьма по барабану. Так что он сорвался с места и стал прощаться. Быков тоже вскочил и с необыкновенным почтением жал ему руки, что-то говорил с восхищением. Валере даже завидно стало – чем же таким может отличаться Витя Рындин, если такая монструозная личность восхищается им? Витя тоже тепло и искренне прощался с Быковым, улыбнулся Ари-

не Леонидовне, удалился. Ревнует? Но кто и кого? Тот того или этот этого?

Быков подошёл к аквариуму и долго изучал минтай. Что он говорил Арине Леонидовне, Валера не слышал – и так еле высовывал нос из-за спин посетителей. Он не входил в число выбранных для охраны Быкова – Валера видел, что бар мощно усилили, а ему, как неопытному, досталось место у входа. Вместе с ним и его напарником там стоял один из людей Быкова, и это тоже сковывало Валеру в удовлетворении его естественного любопытства.

И всё же ему удалось узнать немного больше – когда Балованцева и Быков удалились в её кабинет, а Валеру переместили на новый пост в служебный коридор. Другой напарник оказался более осведомлённым, да и быковский человек уже не маячил перед ними.

Сам вид этого Лёхи Быкова был чрезвычайно колоритным. Как узнал Валера, Быков не признавал прогресса. Для него время остановилось там, где ему больше всего понравилось. А пространство и всё, чем оно было наполнено, приобрело удобные для Лёхи формы. Круглый год он ходил в телогрейке. Как влез в неё сопливым пареньком, так и не вылезал, разве что жарким летом на пляже. Или когда она истрёпывалась и нуждалась в замене. В комплект к телогрейке шли кирзовые сапоги, всегда стоптанные внутри. Нет, сегодня, конечно, Лёха Быков находился в совершенно другом имидже – представительского класса. По его собственным

понятиям, конечно. На Быкове был костюм – брюки и пиджак никакого цвета, рубашка цвета пыли и примерно такой же галстук. И ботинки – новые блестящие ботинки, стоптанные внутрь, словно их уже сшили такими или же Лёхе специальный мальчишка их разношивал.

В любое другое время, как утверждал Валерин информатор, Лёха был только в телогрейке, из-под которой удавалось разглядеть не банальную тельняшку, а чёрный романтический свитер с узким высоким горлом или белую футболку. Которые он, впрочем, тоже не особо-то показывал, как будто пряча всё своё личное под ватно-тряпочными доспехами. Может, и носки у него всегда бывали стопроцентный фильдеперс – но разве можно это вычислить под кирзовыми лапами?

Поговаривали, что в виде единственного украшения носил Алексей Быков нанизанные на шнурок и оправленные в платину натуральные человеческие зубы. На каждой оправе выгравировано имя и число. Зубы эти – выбитые лично Быковым у личных же врагов. Когда они были, эти враги. В честном бою. В назидание. Во как.

Ездил Лёха по городу и области на своём неизменном бронированном «уазике». И не потому, что боялся обстрела – кого ему, великому и ужасному, тут бояться? Говорят, подарил, умирая, много лет назад ему эту машину один хороший человек: катайся на ней, мол, завещал. А Быков верный. Вот и катается.

Интересная, что и говорить, про него была правда.

Но что они там делают так долго – в кабинете Арины Леонидовны? Там же ведь не только кабинет, там жить в полном смысле можно, там дом и даже лучше. Официантка вон сок им потащила, в смысле, жижу из местного полезного гриба. Оздорабливаются ребята. Стратегические планы, может, просто-напросто составляют? Как поделить район. Как осуществить слияние капиталов. Как кого-нибудь на что-нибудь раскрутить. А Витя Рындин? Он с ними – или нет, потому что он не стратег, а тактик? Или всё так банально – Быков и есть её главный мужчина? А где ж тогда сын Серёжа? Почему его не демонстрируют папочке? Валера лично видел, как с ним укатила одна из бабок Арины Леонидовны, в смысле новая жена её отца (родню хозяйки Валера быстро в лица запомнил). Видать, наступила её долгожданная очередь мальчонку развлекать.

Ха! – а может, раз полковник полиции его увезла, значит, Арина Леонидовна решила на всякий случай обезопасить ребёнка от притязаний криминального отца?

Тайны, тайны, кругом эти тайны. Но какие интересные – или это Валера действительно в бабку-сплетницу превращается? Придётся на лавочку у подъезда садиться.

Нет. Фиг. Он не такой. Потому что плевать на Арину Леонидовну с её Быковыми!

Вот.

Может, и плевать, но окончания мероприятия Валера так и не дождался. Сидение в коридоре затянулось, начальник смены решил сэкономить на охране вождей и одного бойца перевёл на другой пост. Машин много на стоянку понаехало, и именно Валера оделся и помчался их разруливать. На улице он вдоволь налюбовался на быковский забавный «уазик», и правда – сурово он выглядел в сравнении с остальными машинами, яркая индивидуальность, что ни говори. Только вот где ж его хозяин?..

В ожидании и размышлениях смена и закончилась. Валера уходил домой, «уазик» так и окопался на стоянке перед клубом. Надо Коляна Доляновского завтра спросить – как раз ночная смена, Валера его застанет. Не может он про Быкова не знать. Хоть и плевать на всё это Валере, разумеется...

А тем временем приближался Новый год. Больше всего его приближение Валера ощущал почему-то... в служебном коридоре клуба. Там и так целыми днями, с утра до вечера толклись посторонние люди. А теперь их с каждым часом наплывало всё больше и больше – с бумажными гирляндами, огромными пакетами ажурных разрезных фонариков, сумками мягких игрушек, игрушек стеклянно-блестящих, пёстрых, ярких. Валера долго не понимал, почему всех этих старух, мужичков и подростков сюда пускают, а потом увидел – они пытались продать свои товары. Вернее, не пытались, а приходили сдавать. Сдавали, получали за это деньги. Вале-

ра как-то раз заглянул в помещение, где эта дребедень хранилась – море, просто море безумного пёстрого барахла. Зачем?

Зачем – вот зачем он это самое «зачем» брякнул вслух? Ну посмотрел, ну удивился – а вякать-то зачем? Это несчастное «зачем» услышала Танюшка Астемирова – начальница первой смены, как назло, проходившая рядом.

– Зачем? Арина это всё заказала, вот зачем, – как дураку объяснила она Валере.

И того взорвало.

– Ну и что, что Арина заказала! – гаркнул он. – Арина то, Арина сё! А своей-то головы что, нет? Кому она нужна, эта детсадовская резня? Фонарики бумажные! Арина им сказала собирать... Арина вам говорит и снег паром выжигать – и вы, как дауны, слушаетесь! Бессмысленный труд – а столько людей пашут как проклятые! Заколдованные вы тут, что ли? Она эксперименты на вас ставит: что вы можете за её деньги сделать, – вот вы и рады бумажных кукол у населения принимать, снег зимой уничтожать и... и... пустыню пылесосить! Фонтаны подстригать! Да!

Не хотел орать. Накопилось. Валера сам не понимал, откуда что взялось.

– А ну-ка, не вопи! – с этими словами Танюшка втокнула Валеру в комнату с резнёй по бумаге и захлопнула дверь. – Бессмысленный труд, значит? Как проклятые? Фонарики никому не нужны? Снег почему люди целый день чистят? Да

потому, что им за это деньги платят! Да, мы платим. Наше заведение. За каждую смену дворник получает деньги. Ты думаешь что, людям деньги не нужны? Работа не нужна? Тебе ведь нужна. И им тоже. А где они её найдут? Немолодые, с ненужными профессиями? А? В ларьке сидеть не всем мест хватает, а работать надо. Так что Арину не трогай. Она не эксперименты ставит, она рабочие места создаёт. Все эти куклы, гирлянды, украшения для коктейлей – это всё чья-то работа! Слепил – приноси и получи деньги. Всё продумано, мальчик. Мы нанимаем сначала художников, которые разрабатывают эти украшения и игрушки, а потом желающих обучают. Люди учатся, берут материалы домой и делают. Могут и свою инициативу проявлять, пожалуйста. Наша приёмщица этого всего товара – заслуженный художник, между прочим. Она говорит, что наконец-то занимается тем, о чём мечтала всю жизнь. И это всё не в убыток, это доход приносит. Эх ты. Фонтаны подстригать... Умный очень. У нашей Арины такая фантазия – тебе с твоими куриными мозгами даже не снилось.

– Ага, прямо благотельница... – это Валера сказал просто из упрямства. Чтобы последнее слово осталось за ним. Не удалось.

– Дурак, – даже без неприязни, а просто с констатацией махнула рукой Танюшка, набрала полные руки украшений и, ничего больше не говоря, удалилась.

Благодетельница! Точно таким же словом встретила Лиля сообщение Валеры о том, что их двоих всё-таки пустят на встречу Нового года в «Разноцветных педалях». Именно в ночь с тридцать первого на первое.

Сначала Валеру брать не хотели – это справедливо распространялось на всех, кто находился, как он, на испытательном сроке. Но, увидев, как всё это происходит, несмотря или даже вопреки посрамлению Астемировой, с которой ему теперь было неловко здороваться, Валера понял: хочет он на корпоративный праздник, и всё!

Дело в том, что с двадцатого декабря ежедневно в «Разноцветных педалях» проводились закрытые новогодние вечеринки. Едва заканчивалась одна, как с раннего утра начиналась подготовка к следующей. Уж на что Валера был равнодушен к рюшечкам-фестончикам, но чтобы так красиво и непошло оформляли залы к Новому году – не видел. Вот все эти фонарики и гирлянды, купленные у умельцев, тут и развешивались! Они выглядели замечательно, в них не было американского домашне-офисного пафоса, они не походили ни на дорогие, ни на дешёвые китайские украшения. Они были праздником – по-другому и не скажешь.

Праздником... А сами праздники! Если бы его, Валеру, так качественно и непопсово развлекали, он бы от счастья, наверное, в лучшем смысле этого слова слюнями изошёл. Какие-то конкурсы, в которых не захочешь, а помчишься участвовать, затей, шарады, прочая беготня. Не только мо-

лодѣжь, но и солидные мужики и тѣтки с удовольствием мотались между столиков в костюмах. Костюмы можно было заказать здесь же, в «Педалях», заранее, а можно уже сразу на празднике попасть в руки к спецмастеру – и он мигом что хочешь тебе слепит. Любой костюм, удобный, лёгкий, с приколом.

Люди тащились. Пѣрлись. Несмотря на стандартное количество сильно пьяных, даже самая пресыщенная публика была довольна. Команда Арины Леонидовны работала на полную катушку.

Сама Арина Леонидовна лишь иногда появлялась на вечеринках. Стояла смотрела, поздравляла знакомых и принимала их поздравления. Исчезала.

Но совершенно случайно появилась в коридоре в тот момент, когда Валера робко пытался попросить у своего непосредственного начальника Гены Репника сделать для него исключение. Нет, говорил Гена, человек прямой и исполнительный, без фантазии и компромиссов. Армейский друг Вити Рындина, между прочим. Во какой человек. Но сказал – нельзя. И будет нельзя. Правила. Точка.

И вот, на счастье Валеры, в коридоре показалась Арина Леонидовна, женщина с фантазией и непрерывным компромиссом. Она услышала мольбы.

– На праздник, значит, хочешь? – удивилась Арина Леонидовна. – А что, дома не с кем отмечать? Или негде?

– С вами хочу, – честно и краснея, признался Валера. –

Можно?

Он попросил. Он так не любил просить. Особенно женщин. Он практически их никогда ни о чём не просил. А тут опять сопливый бред... Новогодний праздник. Хитрая Арина Леонидовна подловила его. Развела. На просьбу развела. На унижение – по сути-то.

Но слова сказаны. Осталось униженно ждать. Чужого решения. Пусть и административного гения – сам же Арину Леонидовну так назвал! Но ждать... Нет, всё-таки определённо в этом месте что-то происходит – если помимо воли человек совершает такие странные для себя поступки! Нейролингвистическое программирование, гипноз, излучения, колдовство. Чёрт, чёрт Арину эту разноцветно-педальную знает!!!

Бежать, надо немедленно бежать. Не позориться. Но вместо этого Валера дождался слов:

– Ладно, приходи. Ты с девушкой будешь?

– Да, да!!! – воскликнул Валера, хватаясь за слова «с девушкой» как за пароль.

– Ну, тогда вы должны знать: стилем на этот праздник я выбрала панк-готику.

Валера растерялся. На миг – но Арина заметила.

– Чего? – спросила она. – Кто тебя смущает – панки или готы? Или почему они вместе? От чисто готики я скучаю или сатанею. У меня сознание, как это называется... созидательное, вот! И эта кладбищенская эстетика, как и прочее

упадничество, мне не близка. Да и готы, которые поумнее, – они не шляются по могилам и не косят под разложившиеся трупы. В комплекте с панком – самое оно. Бодро, борзо и без упадничества. Поэтому в таких костюмах и приходите. На входе я буду стоять, дресс-код, сам понимаешь. Поэтому уж соответствуйте, чтобы без обид. Мне ведь тоже жалко вас заворачивать будет. Понятно?

С Валерой делились эстетическими пристрастиями. Валеру брали на праздник. Поэтому – нет слов, одни слюни. Так обычно говорили про подобное состояние.

Повторив пятнадцать раз «да, да» и добавив «спасибо!», Валера поспешил умчаться подальше, выкурил на улице крепкую сигарету и только тогда успокоился.

И вот теперь Лиля недовольна. Эх, не надо было рассказывать ей, как он унизился и попросил, – просто поставить перед фактом, и всё! А то вот теперь Арину Леонидовну обозвали благодетельницей, Валере же испортили настроение. И вообще.

Да, Лиля планировала встретить Новый год в компании старых друзей, перед которыми ей хотелось блеснуть новым роскошным вечерним платьем и информацией о месте работы Валеры. Сколько клиентов, как выяснилось, облизывались, вспоминая крутейшее место, где пугали и мучили за деньги! Как стильно, оказывается, развлекаться в «Разноцветных педалях»! Сколько всего должен был поведать людям Валера из жизни посетителей и работников этого су-

перклуба – и таким образом весь вечер держать в центре внимания себя и Лилю! Она долго упрашивала своего любимого поработать праздник в разговорном жанре, убеждала, что это не будет находкой для шпиона, а, наоборот, рекламной акцией, и Валера практически согласился. Но теперь...

Теперь же можно самой провести новогоднюю ночь в этом элитном месте! Куда наверняка попадут супер-распупер избранные. Лиля понимала, что идти надо именно туда – и уже после всем друзьям и подругам об этом рассказывать!

Костюм. Панк-готика. Дресс-код в лице самой Арины Балованцевой. Это была главная проблема. И Лилия честно не знала, что делать.

Валера тоже. Его спасало то, что он мог опять же схватить на работе любого доступного консультанта и мучить его вопросами.

Однако очередная дневная смена началась для него необычно. После двух часов дежурства на внешних служебных воротах, где о панк-готике поговорить было совершенно не с кем, Репник велел Валере, которого менял на объекте молчаливый Дима Дубов, садиться в машину и ехать на вокзал. Водительские права Валера был обязан каждый день носить на работу с собой. А вот тут они и пригодились. Получив документы и инструкции, Валера рванул на вокзал. Великая писательница Килана Змеющенко – вот кого должен был он встретить с поезда, проводить в гостиницу и ждать

её дальнейших распоряжений.

Килану Змеющенко знали все. Даже Лиля читала её книжки. Змеющенко писала не детективы, а дедуктивы – странные истории придуманного ею жанра, когда какая-то умнейшая умница, как правило, такая загадочная, что просто деваться некуда, исключительно дедуктивным методом расследует совершенно невозможное для раскрытия преступление. Вокруг все сходят с ума от бессилия, ужасности догадок и злодейского поведения отрицательных персонажей, а умница, как правило, молодая и красивая, селф себя и мейд своими руками, без выстрелов, погонь и прочего делает всех, как щенков. За это ей почёт, уважение, жених в награду – но его она решительно отвергает и кому-нибудь передаривает. Тут и сказке конец, а читатели ждут не дождутся нового произведения блистательной Киланы.

И Валера поехал встречать звезду. Очень даже интересно ему было. Позвонил на мобильный Лиле – а знаешь, кого я встречать еду? Саму твою любимую писательницу, во!

По дороге звёздный туман немного рассеялся. В машину Валеры забила тетя Роза, главная по закупкам, её нужно было завезти на склад. И рассказала, что зловещую женщину Килану Змеющенко зовут на самом деле всего лишь Зоя Редькина. Она, как и многие здесь, тоже одноклассница Арины Балованцевой. Какая-то особенно ею любимая – не меньше, чем безумец Антошка.

Змеющенко прославилась довольно быстро – как только написала несколько своих дедуктивов, придумала этот псевдоним и отвезла произведения в Москву. Кто сопровождал её в поездке? Конечно, Арина и Витя. Вкладывали ли они деньги в раскрутку или так крупному издательству, с которого решили начать эти двадцатилетние тогда ребята, творчество Зои-Киланы понравилось, неизвестно. Только портреты мрачной, чёрной, таинственной, демонической женщины, а также её книги с манящими и жуткими названиями появились во всех магазинах, а их обложки – в блоках рекламы основных телеканалов страны. И дело наладилось. Её полюбили. Её оценили. Но сначала добрая душа и не меньший, чем Арина Балованцева, почитатель талантов Лёха Быков купил по целому тиражу первых трёх книг Киланы Змеющенко – и в благотворительных целях распространил среди населения своих владений. Узнав об этом, коллеги, крёстные отцы других земель, провели похожие акции – наверное, они решили, что кошмарные книжки о преступлениях подарены людишкам в назидание, а потому тоже приобрели по несколько тиражей следующих произведений Киланы и эти тысячи и тысячи экземпляров раздали. Увидев, какой удивительный спрос вдруг стала иметь юная демоническая писательница, издательство моментально напечатало много дополнительных тиражей её книг. Оптовики книжного рынка, решив, что раз кто-то берёт, значит, товар ценный, в свою очередь за несколько дней смели со склада только что вы-

шедшие тиражи. Читающий народ, увидев, что творчеством Киланы Змеющенко завалены все магазины и книжные лотки, решил, что это есть очень-очень круто, модно и вообще, бросился покупать и читать. Оказалось, действительно интересно. Так и зажглась на книжном небосклоне чёрная-пре-чёрная мрачная звезда.

Которую и встречал сейчас Валера на вокзале.

Да, теперь Килана Змеющенко, она же Зоя Редькина, жила в Москве, где пользовалась почётом и уважением, ходила в зловещих париках разных оттенков чёрного и носила контактные линзы цвета «антрацит» с нулевым улучшением видимости. А ещё – иногда, когда становилось жарко, в кабинете подруги Арины снимала эти парики, вешала на вешалку, и сотрудники, увидев скальп на крючке, чуть не давали дуба, пока не привыкли к шуткам милой Киланы. Об этом тоже сообщила Валере добрая женщина Роза, выскакивая из машины у продуктового склада.

Так что, ожидая писательницу у платформы, Валера знал о ней почти всё. Что она, имея в городе семью, состоящую из матери, отца и брата, живёт в гостинице – семья тиранит и угнетает её, опуская самооценку знаменитой Киланы ниже-ниже-ниже плинтуса. Именно Арина Балованцева, разрешив финансировать семью, категорически запретила Зое-Килане человеческие с ней сношения. В детстве Зою дома били и обижали, с чем до крайности любимая и почитаемая своей семьёй девочка Арина не могла смириться. Часто Зоя

Редькина жила у неё и вот теперь, по достоинству разбогатев и прославившись, оставалась по-прежнему беззащитной перед теми, кто продолжал считать её ничтожной и обязанной.

О, да вот и она – никакая не ничтожная! Правда, очень чёрная, очень зловещая, очень узнаваемая – да, люди кидаются к Килане и требуют автографов! И именно он, Валера, сейчас её повезёт!

Подскочив к пассажирке, представившись и подхватив её трогательные детские чемоданчики, Валера сопровождал Килану к чёрной-пречёрной машине.

Поехали.

Тут и понимать ничего особенного было не надо – это только на людях Килана Змеющенко была мрачно-зловещей. Да и то потому, что ужасно всех стеснялась. Валера сразу об этом догадался. В жизни она оказалась такой трогательно-простой и милой, что Валера готов был на руках её тащить до гостиничного номера. Вместе со всеми её чемоданчиками.

Да, он и потащил – сам от себя такого не ожидая! На Килану напали поклонники – и так бы в режиме экстаза и замяли её, принявшуюся заполнять гостиничные листки. Но Валера мужественно сориентировался (приятно это было осознавать, очень приятно!), схватил Килану в охапку, загородился гроздью чемоданов и влетел в лифт.

– Какой этаж? – воскликнул он, когда лифт дёрнулся, поехал и стало понятно, что от погони, кажется, оторвались.

– Четвёртый! – тоненько пискнула злая Килана.

В номер был заказан завтрак. Килана Змеющенко выпила кофе, попросила Валеру ни в чём себе не отказывать, всё съесть и ждать её. А сама заперлась в ванной. Вся в духах и губной помаде, чистая, лучистая и в сине-чёрном парике она появилась перед Валерой через пятнадцать минут. За это время Валера благодарно всё сожрал, но для милого малыша – таким виделась ему почему-то зловещая Килана – он оставил самое лучшее и питательное. Она отнекивалась, но Валера заставил Килану всё съесть. Писательница послушно ела, а Валера с удивительным восторгом отдавал себе отчёт в том, что именно с такой женщиной он чувствовал себя настоящим мужчиной. Он был приятен себе. Он себя уважал. Он гордился собой и был спокойно счастлив.

Но пора было ехать. Богатой дамочке не терпелось расстаться со своими деньгами и осчастливить родную семью. Твёрдо взяв знаменитую Килану Змеющенко под руку, Валера довёл её до машины и повёз на улицу Трикотажную, где проживали родители Редькины.

Неинтересно, вспоминать посещение алчущих Редькиных Валере было неинтересно. Килана-Зоя плакала, страдала, слушала гадости и под давлением своего провожатого быстро от родного очага уехала. Чем Валера был горд.

Как её ждали в «Разноцветных педалях», как ждали! На неё бросились все – Арина Леонидовна, Витя, Астемирова, Мамед Батыров, Олег Дибич-Забакланский, оставивший ра-

ди Киланы свои рабочие связи с общественностью, официантка Вероника и автоматчица из второй смены Наташа Со-рокваша (обе тоже, понятное дело, Зоины-Аринины одноклассницы). Вечером к клубу прискакал наряд конной полиции, его предводитель – лейтенант Константин Шибай – влетел в двери прямо на табельной лошади, к нему в седло закинули смущённо пищущую писательницу, которую он картинно расцеловал, держа на руках, как награбленную царевну. «Они одноклассники!» – шепнул Валере работающий сегодня его личным информатором официант Польза. Валера и не сомневался, естественно.

– Пан Теодор! – через некоторое время уже протягивала руки Килана, увидев очередного спешащего к ней одноклассника. Это был вальяжно-рафинированный молодой человек излишне, по мнению Валеры, приятной наружности. Так выглядели, на Валерин взгляд, метросексуалы.

Вот с этим паном Валера ошибся. Не одноклассник, оказывается. Хм, интересно...

Ещё ближе к вечеру приехал тоже не одноклассник Лёха Быков, перед которым, к удивлению своему заметил Валера, Змеющенко невероятно робела и которого, оказывается (сообщил Валере сам Дибич-Забакланский), в детстве пыталась избить. Да, было такое – когда храбрая рыженькая Зоя вступилась перед Лёхой за Антона Мыльченко.

Быков долго и почтительно тряс своей властной рукой её тощую лапку. А Антошка, зараза, всё не появлялся в «Педа-

лях». Его Зоя ждала с особым трепетом.

Роман! Оказывается, у великой писательницы и провинциального дипломированного поэта был роман! Девчонки на кухне знали об этом и хотели посмотреть момент встречи влюблённых – а Валера тем самым получил столь ценные сведения.

Чтобы не пропустить приход Мыльченко и сцену встречи голубков, Валера старался не попадаться на глаза начальству – чтобы куда не перевели. Но всё же попался – и последние полтора часа провёл-таки на дальних воротах! Дворники традиционно гребли снег, под скрежет лопат Валера нервно ждал, считая минуты. И когда пришёл долгожданный сменщик (некто Навалюк из дивизии киборгов), Валера не стесняясь бросился в клуб. Отчитавшись перед начальником, он вмиг переоделся – и мог теперь делать что хотел.

В основных залах «Разноцветных педалей» вовсю гудела чья-то корпоративная новогодняя вечеринка, так что московскую знаменитость Килану чествовали во всех служебных помещениях клуба, начиная с Ариновых апартаментов. Туда и просочился Валера, уже даже не ругая себя и не отправляя дежурить со старухами-любопытницами к подъездной лавочке. Он был теперь не на работе, а значит, равен в правах со всеми отдыхающими. Ему налили вина, ему позволили плюхнуться на кожаный диван – да ему то же самое, что и всем, позволили. А все сидели на диванах и креслах небольшой гостиной, бродили туда-сюда – из служебных ко-

ридоров через Аринин кабинет. Правда, двери в остальные комнаты, вроде усмотренной Валерой в день, когда хоронили воробья, детской, были закрыты, и туда никто не рвался. Что Валере, с одной стороны, понравилось, а с другой... С другой, навело на мысль – значит, доступ к жизни Арины Балованцевой внутри «педальных» внутренностей даже для столь приближённых людей закрыт. Или это потому, что, помимо одноклассников, здесь сегодня такие личности, как он, тёрлись, Килану Змеющенко чествовали?... Мысль, как и многие подобные, зачихала, не найдя источника питания. Но Валера не расстроился.

Антон Мыльченко наконец явился – и теперь он сидел у ног Киланы, держал её за руку и был, к неудовольствию Валеры, необыкновенно пригож. Аж слёзы наворачивались от умиления – таким, подлец, выглядел счастливым и трогательным.

Тётя Роза, делать которой в молодёжной компании вообще-то было и нечего, цепко перехватила тоскливый (оказывается!) взгляд Валеры, помахала пачкой сигарет, кивнула в сторону двери. И Валера вышел вслед за ней.

На улице, глядя из-под козырька крыши на бесцеремонный дождь, как будто оплаченный ненавистницей зимы Балованцевой Ариной Леонидовной, Валера и узнал.

Что Антошка влюблён в писательницу с малолетства. Влюблена ли в ответ писательница и что там у неё в голове, тётя Роза сказать определённо не могла. Но, поскольку зло-

вещая Змеющенко ей явно не нравилась, выдавала Роза информацию прямо-таки бесплатно и с удовольствием. В общем, первые дни – а приезжала Килана в родной город с интервалом три-четыре месяца – были они с Антоном не разлей вода. Мотались по клубу – им позволялось шастать где угодно, Антон читал Килане свои стихи, она ему – прозу. Смотреть, по мнению Розалии, на это было тяжело, но персонал привык. Арина Леонидовна выделяла машину – и комическую парочку катали по городу. Постепенно Антошка и Киланка начинали ссориться, даже драться, поэт неизменно напивался, устраивал пышные дебоши и убегал от своей спутницы, бросая её в самых неожиданных местах – там, где клевал его в задницу дурной демон скандалов. Страдающая Килана Змеющенко вместе с поисковой бригадой участвовала в розыскных мероприятиях, Гуманоида отлавливали, Килана уговорами и сюсюканьем приводила его в чувство – и их неизменно ждало несколько дней счастья. Но долго пребывать в покое и довольстве мизераблический поэт не мог, снова срывался. Килана надевала свой самый чёрный парик и уезжала в Москву.

Управу на буйного поэта не мог найти никто. Арине Леонидовне было последовательно жалко обоих, поэтому она собственными средствами успокаивала и Антона, и подружку Зоеньку.

Эх, подумал Валера, бросая окурочек в урну, вот дать бы этому Антону пару раз по соплям! Дать – а затем пристро-

ить его работать к какому-нибудь безостановочному станку! Или затолкать в аппарат, где Антону за счёт заведения как следует задницу надерут. Но попробуй дай по соплям, попробуй пристрой, попробуй затолкай... Поэтому, решил Валера, когда его снова призовут ловить бесноватого поэта, он не станет подбирать его с пола, следуя инструкции – осторожно и тщательно. Как мешок с мусором – то есть кое-как! Вот как он с ним будет. И кантовать – кантовать как можно ошутимее.

С этой мыслью Валера направился в сторону апартаментов Арины Леонидовны. Тётя Роза, в которой у него отпала необходимость, ничуть не расстроилась, засмолила новую сигарку – вывалили покурить на улицу несколько человек.

А румяная Килана с чуть размазанным глазом что-то рассказывала. Парик одиноким скальпом мотался на вешалке, так что собравшиеся могли созерцать великую Змеющенко в её истинном цвете. И ничего, созерцали. А ещё её внимательно слушали. Демоническая писательница расслабилась, улыбалась – и была мила, как майский день. Майским днём хорошо и приятно – это Валера чётко помнил. Хорошо-приятно было и ему – никогда ещё Валере не доводилось оказываться в такой славной компании! Правда, неоднократно звонила Лиля, и Валера честно ей отвечал, что находится по работе на празднике, что скоро будет, скоро, да, скоро...

Туалет балованцевских апартаментов потряс Валерино

воображение. Унитаз был спрятан под полированным, правда, шатким, весьма неновым и тем не менее удобным для сидения старинным электрическим стулом. На широких подлокотниках крепились кожаные ремни для фиксирования, как и полагается, рук. Такими же ремнями были оборудованы ножки. К широкой спинке, примерно в районе головы среднеразмерного человека, был прибит ошейник – не дёргаться на стуле, так уж не дёргаться. Сверху свешивалась металлическая электрошاپочка. Валера полюбовался пыточным весельем, посидел на нём, позвенел ремнями с медными пряжками, нажал на кнопку слива, удобно вмонтированную в правый подлокотник, подумал: интересно, это Арина Леонидовна каждый раз пристёгивается – или гостей так отпугивает, чтобы не шлялись по её туалетам?

Внимание его привлёк «Мойдодыр» с изощрённо выгнутым краном и в тон ему вентилями – вода из этого агрегата бежала как-то особенно жизнерадостно. Затем Валера полюбовался зеркалом в деревянной оправе (оправа из того же дерева, что и стул – одни безумцы делали!) и раковиной из чёрного шлифованного камня.

Дверь вела куда-то и дальше – скорее всего, в помывочную, но тут нетерпеливо задёрнули ручку основной двери. Скромный Валера не стал никого задерживать, игнорируя полотенца, вылетел вон и забился в угол дивана. На электрическом стуле его сменил Мыльченко. Интересно, а подведено ли к стулу это самое электричество – или всё так, бута-

фория?..

Он выпил довольно много – весёлого красного вина, аккуратно сидел, молчал и впитывал чужую радость. Улыбка уже ощутимо стягивала ему лицо, но Валере это нисколько не мешало. Он находился в декорациях чужого фильма о празднике, но совершенно по этому поводу не парился. С ним не общались, но и не прогоняли, потому что не считали Валеру лишним – все празднуют приезд Зои Редькиной, значит, и он тоже празднует. Мелькали тут и там Мамеды и Дибич-Забакланские, Быковы и паны Теодоры, Антошки вскакивали и что-то в рифму выкрикивали, кто-то подливал Валере вина, совал под нос поднос с канapé и тухлым сыром. Валера пил, ел, смотрел.

И – опа! В самый неожиданный для расслабленного Валеры момент Зоя и Антон уехали. Куда деваться – пришлось и ему отчаливать. Валера отчалил, но нирвана не отпускала.

Валера сначала ехал, а затем шёл домой. Высунув из капюшона лицо в дождь, он улыбался – той улыбкой, что выдали ему сегодня. Да. Да, да, да. Жизнь радовала. Милая пего-рыженькая Зоя в зловещем парике и чёрном платье. Это она добавила его жизни смысла. Её любила наводящая страх Арина Балованцева, сидела с ней, смеялась, как обычная девчонка, – и именно за эту Зою Валере хотелось... восхищаться Ариной Балованцевой ещё больше! Да, восхищаться – злость, оказывается, можно снимать, как чёрный килан-

ский парик, и вешать на крючок. И пусть этот мир бредоносных развлечений Валера не будет, наверное, понимать никогда. Но этот мир любила простая душа Зоя. Простая – уж он внимательно следил за Редькиной весь вечер, Редькина не прокололась ни разу! Так что раз этот вымороченный мир любила Зоя, значит, он действительно чего-то стоит.

Всю ночь Валера, несмотря на нежные волны, на которых качался его пьяненький мозг, не мог уснуть. Он вспоминал гостиницу, дорогу туда и оттуда, беспариковую Килану, вечеринку. И своё счастливое спокойствие – ведь точно: с женщиной типа Зои он стал бы полководцем. Президентом. Да.

Но у Зои был Антошка. И раз сорок за ночь – именно столько раз Валера вспоминал об этом факте – ему хотелось дать Антошке в лоб.

К утру, когда милая Зоя перед мысленным взором засыпающего мечтателя трансформировалась в прекрасную Арину Леонидовну, Валере захотелось дать в лоб Вите и Лёхе Быкову. Молниеносно почувствовав, как он получает сдачи, Валера вскрикнул и вскочил.

Вскочила и Лиля – злая, как сто одна китайская оса. Она ждала Валеру до глубокой ночи, звонила, волновалась – а он, а он...

А он сначала маскировочно, а затем и по-настоящему, сладко и приятно, уснул.

Так что за два дня до празднования Нового года Валера отчётливо понял, как должна выглядеть панк-готика. Не давая своей девушке раскрыть рта и удивляя её неожиданным креативом, он вытащил из стиральной машинки нечто чёрное, мягкое и недосушенное, надел это, оказавшееся неактуальным платьем его бабушки, на Лилю, крепко замотал её талию бельевой верёвкой. И отошёл подальше. Решительно щёлкая ножницами, Валера порезал в бахрому подол и рукава, вырезал на спинке платья глубокую дырку и внахлёст собственноручно зашил толстенной суровой ниткой. Получилось здорово. Вроде платья невесты Франкенштейна.

– Давай косметику, – скомандовал мастер.

Лиля аккуратно высыпала перед ним содержимое оранжевой гламурной косметички.

– Отлично.

Чёрный карандаш вёл себя послушно – или это недрожавшей рукой вдохновенный Валера рисовал себе радость? Не поймёшь. Синий карандаш (вместо помады) тоже не подвёл.

Валера смотрел на Лилю – и видел перед собой Килану Змеющенко, внешний вид которой понравился бы Арине. Творить Валере было легко и приятно. А он раньше и не знал.

– Вот так и пойдёшь. Здорово, Лиля!

Лиля хотела всплакнуть, когда увидела в зеркале вместо себя суровую монашку с синими губами и чёрными крестами вместо глаз. Её прежний наряд, забракованный Валерой, был

обтягивающе-соблазнительным. Так это было или не так, но набравшийся в своих «Педалях» негативного пафоса Валера назвал его пошлым, «секс-бомбным» и совершенно негодным. Лиля сообразила: чтобы она не имела популярности у других мужчин, Валера хочет обрядить её вытасченной из гроба убитой монахиней.

– А ты в чём будешь?

Та дерюга, которой тряхнул её любимый, немного успокоила Лилю – на мужчину в таком виде не позарится никто. Ну, панк-готика так панк-готика. Если безумие в «Разноцветных педалях» зашкалит, всегда можно будет смотаться и отправиться продолжать отмечать Новый год к друзьям. И там уже рассказать, как круто было там, откуда Лилия и её мужчина только что уехали. Поверят. Потому что не проверят.

Такси подъезжали к самым дверям клуба. Машины разворачивались, уезжали, их сменяли другие. С девяти часов вечера начали собираться гости в «Разноцветных педалях». В новогоднюю ночь не работали аттракционы-симуляторы, в обоих залах, а также в холле стояли кресла и столы с выпивкой и закусками. Играла музыка, бормотали телевизоры, гости бродили от стола к столу и разминались.

Но двери в бар были закрыты. Начало торжества планировалось на половину одиннадцатого.

Валера и Лилия прикатили в десять двадцать пять. Лилия страдала. Валера был в напряжении.

Они жались друг к другу. Они выпили незамедлительно. Они старались не смотреть по сторонам – но всё же пришлось.

Выгонят. Их с Лилей обязательно выгонят – такими жалкими показались Валере его креатуры... Люди были пышны, люди были могучи – Валера не сразу узнавал своих сотрудников. Сегодня было дежурство второй смены – и Валера увидел Киборга в виде киборга. Правда, неформального. Ему, наверное, и наряжаться было не обязательно – как-никак на работе. Но Киборг смотрелся что надо. Жёстко.

Тунец. Повар по прозвищу Тунец – тупоморденыкий, медлительный и с выражением непреодолимой позитивной сущности в глазах, он, казалось, был безнадежен для панка и готики. Но чёрный сюртук, пышное жабо и набелённые щёки с прорезающим наискосок лицо весьма натуральным шрамом придали ему вдруг такого возвышенного демонизма, что Валера, пожимающий ему руку, почувствовал: его собственная ладонь стремительно теряет тепло. Жутко...

Огромные кринолины, изодранные чулки, военные ботинки в чёрных кружевах, белые губы и губы чёрные, зубы в железных фиксах; ржавые кандалы на уже растёртых ими голых руках голого же по пояс Гены Репника, оборванная висельная петля на тонкой шее Вероники Кеник, чёрные крылья за спиной трепетной Татьяны Астемировой, коричневая шапочка, коричневая курточка, коричневая мордочка собравшейся испортить всем праздник Полинки – мрак,

мрак, мрак.

– Я боюсь, Валера. Мы не впишемся... – дрожащими губами шептала бедная Лиля. Выпитое не действовало.

Поэтому Валера принёс ещё по шампанскому. Бульк-бульк-бульк – там. Предложил снять пальто. Сняли. Надо было куда-то их пристроить – или быстро надевать и честно давать дёру.

Валера готов был разозлиться на себя за слабость, но весёлые шампанские пузыри дружно щёлкали в его мозгу и меняли окраску мыслей.

Какое-то гордое чудовище, перетянутое ремнями, подкаатило к Лиле.

– Не каждая решится на монашку! Уважаю! – заявило оно, и Валера узнал царственного брата Стасика.

Стасик улыбнулся Лиле, пожал руку Валере.

И отпустило.

Отпустило. Пальто оказались в раздевалке – личный шкафчик Валеры охотно принял их.

Лилия, с новым бокалом шампанского в руке, уже чувствовала себя замечательно, Валера принялся знакомить её с сотрудниками.

И чего было переживать?

А вход в бар уже был открыт. Ну как чего было переживать? Было. Дресс-код! Личный досмотр. Арина Леонидовна... Выкинштейн. Так ведь предупреждали...

Валера хлебнул из Лилиного бокала.

– Ну, пошли. Самое интересное будет там.

Музыка. Что это была за музыка! Её мрачное величие одновременно плющило и уносило так высоко, что, казалось, потолок поднимается на глазах, крыша вытягивается и становится узкой, конической, а двери и окна пронзительно-стрельчатыми.

Видя, что все повернулись в сторону открывшихся дверей, Валера сначала подумал, что по русскому народному обычаю народ сейчас ка-а-ак всей толпой ломанётся, создастся пробка, кому-нибудь оторвут подол, кому грим на физии размажут, ноги оттопчут – в общем, пинков-толчков не оберёшься. Но нет – точно на балу у принцев-королей, люди, кто поодиночке, кто парой, врывались в распахнутые двери. Какое-то время ждали, пока пройдут передние, и с демонстративным достоинством заползали.

Перед Валерой и Лилей в двери неторопливо въезжал на коне полицейонер Костя Шибай. Конь был настоящий – кучу его жизнедеятельных яблок Валера заметил ещё в холле, решил, что это такой панк-прикол: навоз специально купили и раскидали для красоты и бодрости. Или же он пластиковый, или древесно-стружечный какой-нибудь. Ан нет, производитель навоза присутствовал лично...

Разноцветные пятна пегого коня были обведены яркими антиготическими красками, круп, морда и ноги нещадно расписаны свободолобивыми узорами. Да и однокласс-

ник Арины Балованцевой, полицейонер Костя, сидящий на неосёдланном расписном коняшке, был о-го-го – по пояс голый (в этой компании, стало быть, мужчины любили оголяться), в легинах и мокасинах с узорами на пятках, росписью на груди и физиономии, с вампумом на чреслах и томагавком в руке, в индейском парике с косами, ленточкой и пером.

Панк-готики ноль – решил Валера. Неужели пустят? Или тут подействует старинный блат? Или против педального коня Арина Леонидовна не пойдёт?

Ожидая удара копытом (конь Пегашка хоть не выглядел испуганным, но кто его знает...), Валера мужественно вытянул шею и заглянул в дверь. Нет, видно ничего не было, конь всё загораживал.

– Хау, брат Белой Руки! – услышал Валера хорошо знакомый голос.

– Хау! – и затем ещё один, не менее знакомый.

– Хау! – послышалось с лошади.

Проехал. Индейца – даже без «ирокеза», беспрепятственно пропустили. Ага – полицейонер сказал пароль! Валера, видимо, только что этот пароль и подслушал. А потому вдруг решил рискнуть – и тоже его назвать. А чего? Игра есть игра. Да.

Арина Леонидовна стояла прямо в дверях. На неё падал свет. И это было что-то...

Конь Пегашка со своим полицейским индейцем всосал-

ся праздничной толпой и присел, видимо, где-то за столик; сзади уже должны были напирать желающие войти. А Валера остановился и оцепенел. Представления о панк-готике и стандартах его работодательницы снова поменялись.

Лучше сверху вниз. Да.

Сверху. На голове Арины Балованцевой был намотан огромный кокон розовой сахарной ваты. Ни волос, ничего из-под него видно не было. Розовый, он немного подтаивал и стекал даже на вид сладкими каплями по лицу на шею и плечи. Впрочем, витки сахарной ваты были и на руках, и вокруг груди, и вокруг пояса, и ниже.

Нет, это не всё. Лицо Арины (Валера даже забыл думать, что она Леонидовна) было испещрено тонкими вертикальными чёрными полосками. Они были очень тонкими, очень чёрными, очень блестящими. «Гудрон!» – с ужасом догадался Валера.

Гудрон. Тонкими гудроновыми нитями были перевиты Ариныны руки. И ноги – вплоть до высоких шнурованных ботинок. Верхняя часть нижнего белья Арины была тоже из гудрона – в виде мелкой неровной сетки. Сначала гудрон, а затем уже тающая и стекающая розовая вата крест-накрест покрывали талию. Гудрон впивался в кожу, в некоторых местах очень сильно впивался, заметно стягивал её, сжимал, но зато явно надёжно держался.

Ещё на Арине были маленькие чёрные шорты. Или трусы. Может, из обычной материи, из чего там трусы шьют, а

может, и нет – этой женщине ничего не стоило и трусы себе скрутить из гудрона.

Спокойно на такое смотреть было нельзя. Стекающая розовая нежность – и впивающаяся в тело блестящая чернота: этот обморочный контраст крушил мозг, оставляя в нём лишь ощущение полнейшей безысходности. От вида перетянутых рук и ног у Валеры щемило сердце – как будто оно было прострелено, но теперь продолжало жить в этом самом щемящем режиме.

– Валера, – услышал Валера, точно через слой сладкой ваты. – Здравствуй. Познакомь нас.

Кто же, кто же он – человек, поливший Арину гудроном? Кому она это доверила? Ведь чтобы выписывать такие узорные кренделя, гудрон должен быть горячим. Конечно, горячим, расплавленным – из холодного бесполезно что-либо делать. А расплавленным гудроном по телу больно. Больно! Она, значит, терпела. Ну, даже если и орала – результата-то добилась... Выдержка? Дурь? Мазохизм?..

– Меня зовут Лиля, – как только из ушей вылетели гудроновые пробки несвоевременных мыслей, услышал Валера.

– Арина Балованцева.

– Виктор.

Виктор. Точно, возле Арины Леонидовны стоял Виктор. Рындин Владимирович. Начальник охраны. По совместительству телохранитель. Плохо он хранит хозяйское тело, если позволил его обгудронить.

А может, Витя сам Арину Леонидовну и поливал? Логично...

– Респект, – снова сквозь череду мыслей услышал Валера.

И, глядя на малюсенькую белую ладошку, нарисованную краской у Арины Леонидовны на плече, с трудом пробормотал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.